

В. И. Искрин

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
В ОСВОЕНИИ ПРИРОДЫ

В. И. Искрин

**КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
В ОСВОЕНИИ ПРИРОДЫ**

Санкт-Петербург
2023

УДК 159.9
ББК 88.2
И86

12+

И86 Искрин В. И.
Коммунистическая революция в освоении природы. — СПб.:
Свет, 2023. — 88 с.

ISBN 978-5-9076-8505-5

Экологический кризис всё более углубляется. Возможен ли выход из него? Да, отвечает автор, но только в процессе перехода к новому социально-экономическому укладу.

Данная работа представляет собой научный труд. Но труд, написанный доступным языком, в свойственном автору диалоговом стиле.

Книга адресована не только специалисту, но и любому более или менее образованному и мыслящему читателю, не имеющему философской и обществоведческой подготовки.

Человеку, взявшему в руки эту книгу, прежде, чем её приобрести, следует ознакомиться с аннотацией на задней стороне обложки и первым абзацем Предисловия.

ISBN 978-5-9076-8505-5

9 785907 685055 >

© В. И. Искрин, 2023

© Издательский центр «Свет», 2023

*В настоящем издании сохранены
авторские орфография и пунктуация*

Оригинал-макет А. А. Крыласов
Дизайн обложки А. А. Крыласов

Подписано в печать 15.02.2023. Формат 60^{х90}/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 5,5
Тираж 150 экз. Заказ № 2906

Отпечатано в типографии
Издательского центра «Свет»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
Издательского центра «Свет»
звоните по тел. +7 960 243-32-82

ПРЕДИСЛОВИЕ

Возможно, уважаемый читатель, две книги с однотипными обложками и их названия привлекли ваше внимание. Вы решили прочитать обе. С какой начать? Вы выбрали ту, что потоньше, чёрно-зелёную? Если так, отложите книгу, которую вы сейчас держите в руках, в сторону. Если вы начнёте с неё, вы просто-напросто не поймёте, что такое коммунистическая революция. Исследованию этой революции посвящена другая книга. «Коммунистическая революция» является тем фундаментом, на котором мы будем возводить здание наших представлений о коммунистической революции в освоении природы. Так что откройте книгу с чёрно-красной обложкой.

* * *

Итак, вы осилили «Коммунистическую революцию», и мы приступаем к разработке экологического аспекта коммунистического переустройства мира. В этой книге мы будем искать выход из экологического кризиса, в который всё более и более втягивается человечество. Мы будем искать его, и иное исключено, на пути становления коммунизма — в составе социальной коммунистической революции. В составе коммунистической революции, в качестве её неотъемлемого компонента, мы будем исследовать социально-природную коммунистическую революцию (коммунистическую революцию в освоении природы).

Значима ли экологическая составляющая коммунистической революции? Тянет ли выбранная мною тема на целую книгу? Может быть, следовало обойтись главой или просто указанием на социально-природный компонент в «Коммунистической революции»? Думаю, экологическая сторона становления коммунизма исключительно значима и важна. Уверен, что она требует самого пристального внимания и более или менее всесторонней разработки. Постараюсь объяснить, почему я так считаю.

Дело в том, что социально-природные отношения, которые имеют быть на той или иной ступени общественного развития,

по своей сути подобны «чисто социальным» отношениям. Другими словами, каждый исторический тип общества (каждая общественно-экономическая формация) строит свои отношения с природой (осваивает природу) в полном соответствии со своей сущностью. А социальные революции, переводящие общество на новую, более высокую ступень, представляют собой и переходы от одного типа социально-природных отношений к другому, более продвинутому. Социальные революции преобразуют не только общество, но и его воздействие на природу. Утверждение нового типа общественных (социальных) отношений есть и утверждение нового типа освоения природы.

В «Коммунистической революции» мы выделили революции разной значимости. Самыми значимыми, самыми грандиозными (я употребил, характеризуя их значимость, именно это слово) были названы эксплуататорская и коммунистическая. Так вот, эти революции, являющиеся переходами от одного общества к другому, ему противоположному, представляют собой выходы не только из глубочайшего социального кризиса, но и, в отличие, например, от капиталистической революции, выходы из столь же острого и губительного для людей социально-природного (экологического) кризиса.

История человечества знает два грандиозных (думаю, это слово здесь также уместно) кризиса в отношениях общества и природы. «Наш» кризис, отличаясь от древнего формами своей реализации, по содержанию, своей остроте, глубине и исторической сути полностью подобен когда-то пройденному человечеством.

Попытаюсь живописать перспективы нынешнего, если можно так выразиться, экологического сползания.

Сегодня мы являемся свидетелями (участниками, жертвами...) лишь начала экологического кризиса. Да, это только начало. В дальнейшем кризис будет только усугубляться, чтобы под конец принять самые мрачные очертания.

Неминуемо ли развитие социально-природного кризиса до конца, до невыносимой для существования человека глубины? Скорее всего, да. История свидетельствует, что для того, чтобы выйти из любого серьёзного общественного кризиса, надо дойти до тупика. Так сказать, преждевременный, упреждающий выход из кризиса (а имел ли таковой когда-либо место?), по моему мнению, надо считать исключением.

В наше время препятствием упреждающего выхода является хищническая, ориентированная исключительно на прибыль природа капиталистического природопользования (на мой взгляд, очень меткое слово: капитализм не осваивает природу, а использует её).

Каковы же перспективы? Думаю, самой болезненной стороной экологического кризиса будет не столько загрязнение окружающей человека среды, на что, как на главное, не устают указывать зелёные, сколько её уже сейчас зримое прогрессирующее обеднение.

Этот вектор кризиса заставляет увидеть в будущем катастрофическое уменьшение продуктивности мест обитания сотен миллионов людей, голод, болезни, эпидемии, колоссальные, сопоставимые с великим переселением народов (развернувшимся, кстати, не от хорошей жизни) миграционные потоки, перелив огромных масс людей из эксплуатируемой части мира в страны верхнего полюса капитализма, межнациональные конфликты, разгул стихии и бунты, восстания и войны (как на капиталистической периферии, так и в высокоразвитой подсистеме капитализма). В такой ситуации не исключено применение оружия массового поражения, гибель в войнах, от голода и болезней, при подавлении различных выступлений сотен миллионов, а, может быть, и миллиардов людей.

Конечно, всё вместившееся в последний абзац можно назвать плодом больной фантазии. Да, можно было бы назвать, если бы процесс ещё не пошёл. Но он пошёл и на наших глазах набирает обороты. Его «углубляют» иницилируемые «хозяевами мира» локальные войны.

Волны коммунистической революции, ставшие достоянием истории, выросли из кровопролитнейших войн, из кризисов капитализма, квинтэссенцией которых было его военное самопожирание.

Новую волну коммунистической революции вполне может поднять в своём завершении современный экологический кризис. И эта, «экологическая волна», о чём я только что сказал, с огромной долей вероятности не окажется мирной. Впрочем, если в обозримом будущем (начиная, скажем, с Украины или Казахстана) разразится очередная «империалистическая» война (в виде прямого столкновения России и Соединённых Штатов или ведущаяся руками вассалов «мирового гегемона»), новая волна коммунистической революции может подняться и раньше.

Два вывода следуют из такого прогноза.

Во-первых, мы должны констатировать, что прогресс, преодолевающий кризис умирающего строя и утверждая новый общественный порядок, вынужден прокладывать себе дорогу через страдания, кровь и гибель огромных масс людей. Таков удел прогресса на всём протяжении человеческой истории.

Во-вторых, чтобы уровень крови был по возможности понижен, руководители революции (или вожди, как прежде их называли) должны быть вооружены знаниями, должны понимать динамику течения социально-природного кризиса (как и кризиса общественного), неизбежность его обострения, обусловленность хищнической природой капитализма пагубных для человека и человечества его проявлений. Слепой революционер ничуть не лучше махрового реакционера.

Вы понимаете, читатель, зачем нужно заниматься коммунистической революцией в освоении природы?

Разумеется, занимаясь ею, я не собираюсь давать будущим революционерам и созидателям нового какие-либо установки. Моей целью является вычерчивание в самых общих, основополагающих моментах контуров социально-природной коммунистической революции, главным образом — контуров коммунистического типа освоения природы. Как и «Коммунистическая революция», данная работа представляет собой философское исследование. А философия, как известно, «пренебрегает» конкретикой. Конкретные действия будущим творцам истории подскажет обстановка.

Однажды, после лекции на экологическую тему, один из слушателей настоятельно посоветовал мне ознакомиться с моими работками тех, кто заталкивает человечество в экологический тупик. «А вдруг образумятся». Как ни странно, несколько человек поддерживали фантазёра. Да, это было бы неплохо, если б было осуществимо. Пытаться вразумить капиталистов и их учёных слуг всё равно что проповедовать добродетель в публичном доме (так, правда, по другому поводу, как-то выразился Ленин).

Через беды, порождённые кризисом, через борьбу нового со старым, на «экологической волне» коммунистической революции будет складываться и утверждаться новый, коммунистический тип освоения природы. Повторю, преодоление экологического кризиса, выход из него возможен только в рамках коммунистического переустройства мира.

Каков этот новый, коммунистический тип социально-природных отношений? Каковы его грани?

Ответом на поставленные вопросы и является книга, к чтению которой вы приступили. Фундаментальные теоретически выдержанные знания касательно сущности коммунистического освоения природы, на мой взгляд, не менее, а, может быть, даже более важны, чем те (необходимые для определения тактики борьбы), на которые я указал выше.

Заниматься коммунистической революцией (как в её, так сказать, внутрисоциальном, так и в социально-природном аспекте) невозможно, не заглядывая в коммунистическое будущее.

Как вы знаете из «Коммунистической революции», коммунизм в его хронологическом плане я охарактеризовал как строй-эфимер, как строй, реальная история которого обещает быть исключительно краткой.

Однако исследовать коммунизм, наверное, единственно возможно не в этом его реальном — скоротечном — качестве, а в идеальном, в котором он наделяется какой-то осязаемой длительностью.

Поэтому в настоящей работе коммунизм предстанет перед нами в своём идеальном виде. Но имейте в виду и постоянно помните, читая книгу, что в действительности коммунизм (и всё его «наполнение») окажется, во-первых, спрессованным во времени и, во-вторых, поглощаемым логической формой.

В заключение Предисловия несколько слов об истории разработки мною экологической темы.

Этой темой я начал заниматься параллельно с исследованием социальной составляющей коммунистической революции и в 1986 г. написал работу под тем же названием, которое вы видите на обложке. Поскольку работа подпадала под признаки отступления от тогда ещё достаточно твёрдой генеральной линии партии (был такой жупел), я, как и «Коммунистическую революцию», положил рукопись в стол. Ознакомлены с ней были только мои единомышленники. Что касается моей преподавательской работы, в ней я, конечно, использовал свои эколого-коммунистические разработки.

Сейчас, по прошествии трёх с половиной десятилетий я вполне мог бы отнести рукопись 1986 г. в издательство — на мой взгляд, за время лежания в столе в теоретическом плане работа совершенно не устарела. Но всё-таки я решил написать её заново — каждое

время требует своего способа подачи материала. Так что, уважаемый читатель, засев за письменный стол, я начинаю работу над «Коммунистической революцией в освоении природы 2».

Что касается формы изложения, она будет такой же, как и в «Коммунистической революции». Книга будет разбита на сравнительно небольшие главы. В конце каждой главы мы подведём её итоги.

Полагаю, книга, выдержанная в научном плане, но написанная доходчиво, без мудрёных терминов и нудных заумных рассуждений, только выигрывает. Надеюсь, её примет как специалист (обществовед, философ, эколог), способный за живым языком увидеть научность, так и любой настроенный на умственную работу образованный человек.

И последнее. Повторю пожелание, которым я завершил Предисловие «Коммунистической революции».

Вдумчивого чтения.

4.12.2021. В. Искрин
e-mail: iskrin@narod.ru

ГЛАВА I

ОБЩЕСТВО И ОСТАЛЬНАЯ ПРИРОДА

Представьте, читатель, что в ваших руках оказался фрагмент пазла, и перед вами стоит задача по маленькому кусочку определить целое, т.е. набросать, графически или словесно, картину, являемую цельным, собранным пазлом. Удастся вам решить такую задачу? Мне представляется, нет (если вы со мной не согласны, можете провести эксперимент, а ещё лучше — несколько экспериментов, и с неизвестными пазлами).

Кто-то согласится со мной без опытов, кому-то понадобятся эксперименты. Не сомневаюсь, что как логики, так и экспериментаторы, скажут «нет».

Но мне интересно не это. Фрагмент своим видом нам ничего не сообщит не только о целом, но и о себе. Скажем, фрагмент синего цвета может быть частичкой неба, воды, цветка, платья, сливы... Мало ли синего на свете!

Какой мы сделаем вывод, обобщив мой пример с пазлом и его фрагментом? Только один: заниматься частным в отрыве от целого, мягко говоря, бесперспективно, а если вещи называть своими именами, противоестественно и, когда дело идёт о науке, антинаучно.

Любое общественное явление, конечно, многократно солиднее кусочка пазла. Но вывод, к которому мы пришли, справедлив и для него (общественного явления). Это значит, что предмет нашего внимания, а таковым является коммунистическая революция в освоении природы, мы должны исследовать как можно в более широком контексте, в составе максимально возможной целостности.

С сожалением приходится констатировать, что принцип максимального охвата (назовём его так), как и два других принципа, обязательных для серьёзного, правдивого исследования какой-нибудь, малой или большой, частности, не жалуется в нашем обществоведении. Не жалуется как молодёжью, так и сделавшими себе карьеру на мелкотемье остепенёнными фигурами.

Вы интересуетесь, какие ещё принципы входят в обязательный набор? Это, во-первых, принцип историзма и, во-вторых, принцип взаимосвязи. Первый из них обязывает исследовать то или иное явление в его историческом движении, второй — во взаимосвязи со всеми другими явлениями данного комплекса.

Исповедуя вышеозначенную троицу, думаю, мы можем рассчитывать на успех нашего предприятия.

Что мы рассмотрим в этой главе? Предметом нашего внимания будет всего один вопрос. Он вынесен в заголовок.

Природой мы считаем всё сущее. Масштабы природы не поддаются осознанию, не подпадают ни под какие житейские представления и мерки. Как природу мы знаем Вселенную, но у нас есть основания полагать, что и за её пределами существуют иные миры¹.

Но мы не будем заглядывать так далеко, как в завселенские дали, так и дальше нашего светила. Чтобы говорить о коммунистической социально-природной революции, мы можем и должны удовлетвориться мизерной (по космическим масштабам) частью природы. Самый удалённый от нас, скажем так, интересный для общества природный объект находится на расстоянии одной астрономической единицы. Зависимость социума, впрочем, как и всего живого, от ближайшей звезды, думаю, не требует доказательств.

Солнце, если можно так выразиться, работает в автоматическом режиме. Непосредственно исходящую от Солнца энергию, если абстрагироваться от её преобразования в электрическую в последнее время, человечеству нет необходимости осваивать. Осваивать так, как это приходится делать в поверхностной плёнке планеты и близлежащем космосе.

Теперь — об обществе.

Связь общества с природой состоит в её освоении. Общество по отношению к природе является активной стороной. Такую связь можно назвать функциональной — общество функционирует, осваивая природу.

В последней фразе скрыто указание ещё на какую-то связь природы и общества. Ведь если есть «такая связь», наверное, имеется и другая. Действительно, имеется. Какая же? Как мы её назовём?

¹ См.: В. И. Искрин. До Большого взрыва: За горизонтом физики. СПб., 2016.

Вселенная развивается. В процессе её развития на основе старой формы организации материи зарождается и крепнет новая, более сложная и продвинутая. На определённом этапе вселенского процесса закономерно появляется общественная или, иначе, социальная форма (надеюсь, в работе, на которую я сослался выше, мне удалось показать неслучайность её появления)...

Здесь небольшим отступлением я позволю себе прервать рассуждения об обществе.

Достаточно распространённой является точка зрения, согласно которой мы одиноки во Вселенной. От такого утверждения один шаг, и он зачастую делается, до следующего: мы — случайность, нонсенс, ошибка, сбой и т.д. Чем аргументируют «случайные учёные» случайность общества? Оказывается, отсутствием контактов с иными цивилизациями. «Раз нет контактов, нет и цивилизаций». Наряду с такими негативистами есть и те, кто, испытывая контактный позитивизм, пытаются, правда, безуспешно, космический контакт установить.

Что я могу сказать по поводу «случайности» и контактных потуг? Иные цивилизации с огромной вероятностью (в силу закономерности очереди, состоящей из сменяющих одна другую вселенских материальных форм и в силу колоссальных размеров Вселенной) существуют. Но человечество ни в коем случае не вступит в контакт, как их называют, с инопланетянами. Почему? По одной простой причине. Вступить в контакт не позволяет и не позволит человечеству низкий технологический уровень землян. Уповать на радиоконтакты просто смешно (я уж не говорю о различных уровнях развития и различных интересах сторон). Контакт станет возможным, необходимым и неизбежным только на ином технологическом уровне (на основе практически мгновенного прохождения сигнала) и только в постсоциальном будущем, но никак не на социальной стадии, с помощью радиотелескопов. Современные попытки установления контактов с иными цивилизациями можно было бы уподобить попыткам дикарей докричаться через моря и океаны до своих «братьев по разуму».

Вернёмся к тексту, прерванному отступлением.

... Другая связь природы и общества — генетическая. Общество есть порождение природы. Но порождение не чего-то внеприродного, а закономерное порождение природой в своём составе определённой своей — природной — исторической формы.

Общество — тоже природа, точнее, часть природы определённого (но отнюдь не самого высокого) уровня.

Маркс на заре своей деятельности в качестве теоретика писал: «... Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы»¹.

Строго говоря (и правильно говоря), общество связано не с природой, а с остальной природой. Слово «остальная» в названии главы не является лишним. А вот что касается текста, там почему-то его недостаёт. Возвратившись на несколько абзацев назад, вы, уважаемый читатель, обнаружите, что там (как и в названии книги) раза три-четыре я пренебрёг словом «остальная». Может быть, по небрежности? Нет, тогда введение этого слова и соответствующего понятия («освоения именно остальной природы»), на мой взгляд, было бы преждевременным.

Итак, мы имеем два связанных подразделения сущего — человеческое общество и остальную природу. Равны ли эти — составляющие связку — части природы? Нет, конечно. Общество, которое я назвал активной стороной, осваивает остальную, нетронутую природу, потребляет её, удовлетворяя свои потребности, наращивает за счёт внешней природы своё «неорганическое тело» и потому развивается.

Таким порядком, посредством развития своего авангарда, что имеет место на всех этапах вселенского процесса, саморазвивается вселенская природа. Надо полагать, такой порядок характерен и для более чем вселенских масштабов.

Возникает вопрос: с помощью чего нетронутая природа (слова «нетронутая» и «внешняя» я употребляю как синонимы термина «остальная») осваивается и впитывается «общественным неорганическим телом»? Или иначе: что служит инструментом освоения остальной природы? Сейчас я отвечу на эти вопросы, но прежде замечу, что ответ на них является центральным пунктом главы.

Ответ прост: инструментом освоения нетронутой природы служит труд. Выразусь более пространно: человеческое общество осваивает остальную природу посредством целенаправленного (т.е. осознанного) орудийного труда. Поэтому оно развивается, поэто-

¹ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 565.

му его история динамична, поэтому историческое бытие общества, о чём я писал в «Коммунистической революции», представляет собой революцию вселенского масштаба¹.

«Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя её, он в то же время изменяет свою собственную природу»².

Далее, через несколько страниц, Маркс добавляет: «... Процесс труда... есть целесообразная деятельность...»³

Прежде всего целесообразность (целеполагание, сознаваемость) отличает человеческий труд от основанной на инстинкте «трудо­вой» орудийной деятельности животных. Поэтому человеческое бытие динамично, а животное — относительно статично. Видимо, когда-то крылатую фразу «Труд создал человека» можно расширить: «Коллективный целеполагающий труд создал общественного человека». Тяжеловато, но зато верно. Хотя и не исчерпывающе. В действительности факторы социализации не ограничиваются одним лишь трудом⁴.

Однако, поскольку для наших целей нам важно было определиться со связующим общество и остальную природу звеном, о прочих факторах социализации (коллективизм, прямохождение, голосовая коммуникация... + экзогамия и использование огня), на мой взгляд, вполне достаточно (как говорится, для полноты картины) лишь упоминания.

Определиться с трудом, во-первых, как звеном, связующим два подразделения природы (общество и остальную природу) и, во-вторых, как активизирующим моментом этой связки не просто важно, а — для понимания коммунистической революции в освоении природы — совершенно необходимо. В дальнейшем

¹ См. двадцать третью главу «Коммунистической революции».

² К. Маркс. Капитал. Т. 1. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 188.

³ Там же, стр. 195.

⁴ В. И. Искрин. Загадка вены каменного века. СПб., 2013, стр. 139–146.

общественный труд будет рассмотрен более детально. А выясненное о функции труда в данной главе мы будем считать заделом для этого более детального рассмотрения.

Так как мы нашли инструмент освоения остальной природы, а его обнаружение я назвал центральным пунктом главы, под главой мы можем подвести черту и перейти к подведению итогов. Но не только главы, но и Предисловия, с которого в сущности и началось наше исследование.

Что из выясненного является самым значимым? Признáюсь, мне затруднительно ответить на этот вопрос. Все оказавшиеся в зоне нашего внимания «кирпичики теории», пожалуй, в равной степени необходимы для возведения умозрительного (в положительном и буквальном смысле этого слова, т.е. зримого умом) здания коммунистической революции в освоении природы. Поэтому я даже не буду пытаться расставить их по ранжиру, а перечислю в более или менее логической последовательности.

1. Рассматривая связку «общество — остальная природа», в качестве активной стороны мы видим общество. Его активность состоит в освоении внешней природы, в изъятии её вещества (и строительстве из него «общественного тела»).

2. В процессе освоения внешней природы, за счёт её освоения развивается общество.

Развитие общества являет собой не только прогрессивную смену форм (типов) общественной организации, но и смену находящихся в полном соответствии с формами общественной организации форм (типов) освоения природы.

Соответствие «чисто социальных» и социально-природных отношений является законом.

3. Так же, сущностно, соответствуют одна другой «чисто социальная» и социально-природная революция.

Социально-природную коммунистическую революцию необходимо рассматривать только в составе, позволю себе так выразиться, цельного коммунистического преобразования.

4. Коммунистическая революция в освоении природы (как и эксплуататорская социально-природная революция), утверждая новый, более прогрессивный тип освоения остальной природы, кладёт конец острейшему и губительному для человека экологическому кризису.

Современный экологический кризис может быть преодолен только в ходе становления коммунизма.

Выход из кризиса, упреждающий экологическое падение, был бы исключением.

5. Коммунистический тип социально-природных отношений потребует новый, отличный от эксплуататорского и противоположный эксплуататорскому тип общественного труда. В этой главе, квалифицировав труд как связующее звено между обществом и осваиваемой им природой, мы заложили фундаментальную основу для его характеристики.

ГЛАВА II

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ОСВОЕНИЯ ПРИРОДЫ¹

В настоящей главе нам предстоит решить одну из ключевых задач нашего исследования. Удастся ли нам с ней справиться? Удастся ли найти и охарактеризовать типы освоения природы? Думаю, да, и считаю, что мы сделаем это без каких бы то ни было затруднений.

Вы спросите: на чём основана моя уверенность в успехе? Ответу: на тех основополагающих выводах, которые были сделаны в «Коммунистической революции» и предшествующем изложении (между прочим, вы, уважаемый читатель, этими выводами владеете в той же степени, что и я). Так что, в отличие от тех, кто вот уже в течение пяти-шести десятков лет безуспешно бьётся над интересующей нас типизацией, мы принимаемся за дело не на пустом месте.

Решая стоящую перед нами задачу, мы сделаем два шага. Сначала мы определимся с числом типов освоения природы, затем выявим их сущность, их содержание.

Поскольку, как я сказал, мы будем заниматься типизацией не на пустом месте, я должен указать, от чего мы оттолкнёмся и что даст нам возможность решить поставленную задачу. Во-первых, мы оттолкнёмся от такой мощной основы, как периодизация человеческой истории (она была выработана в «Коммунистической революции») и, во-вторых, — от закона соответствия социально-природных и внутрисоциальных отношений (об этом законе речь шла в Предисловии).

Напомню, как мы размежевали человеческую историю в «Коммунистической революции». Буду краток.

Отвергнув «периодизации», построенные на механистичном рядоположении различных по своей значимости исторических

¹ Здесь, в названии главы, я опустил слово «остальная», хотя в данном случае имеется в виду именно остальная, так сказать, внеобщественная природа. В дальнейшем, дабы не загромождать текст достаточно тяжеловесными словосочетаниями («остальная природа», «нетронутая природа» и т.п.) я позволю себе поступать так же. Улавливайте смысл текста, читатель.

образований, мы обосновали в высшей степени диалектичную нарезку истории. Человеческая история предстала перед нами состоящей из трёх равных по своей значимости периодов — первобытного, эксплуататорского и коммунистического. Наглядно (графически) такая — адекватная действительности — структура истории была представлена во второй главе «Коммунистической революции».

Чуть далее, в этой главе настоящей работы, вы найдёте рисунок, на котором будет изображена так же структурированная история и на котором, наряду с типами общества, будут «прописаны» и исторические типы освоения природы (исторические типы социально-природных отношений).

Как мы знаем, общественные типы находятся в полном согласии с социально-природными, с типами освоения природы. Что следует из закона их соответствия?

Во-первых, что, если можно так выразиться, общественная периодизация совпадает с социально-природной и, во-вторых, что периодов социально-природной истории, как и периодов социальной, три. Не больше и не меньше.

Значит ли это, что и типов освоения природы также три? Нет, типов социально-природных отношений всего два. Первобытно-коммунистическое и собственно коммунистическое освоение природы, реализуясь на разных материальных основаниях и в весьма отличных одна от другой формах, по своему содержанию однотипны. Рассмотрение сущности коммунистического освоения природы, надеюсь, подтвердит содержательное отождествление древних (первобытных) и будущих социально-природных отношений.

Последней фразой я высказал намерение сделать второй шаг в решении стоящей перед нами задачи. Сейчас мы его сделаем, но прежде подведём итог по первому шагу. Как и намечалось, мы определились с количеством типов освоения природы и их исторической привязкой (историческим местом).

На мой взгляд, разговор о сущности исторических типов освоения природы лучше начать с эксплуататорского природопользования, чтобы затем, играя на противоположности эксплуататорского и коммунистического типа, выявить сущность последнего.

Эксплуататорское общество основано на отношениях частной собственности, охватывающих, пожалуй, где жёстко, а где немного

помягче, например, в сельской общине или семье, все сферы существования человека. В таком обществе частный интерес является определяющим фактором развития.

Частный интерес удовлетворяется постольку, поскольку его обладателю (а таковым является не только эксплуатирующий, но и эксплуатируемый) удаётся получить какую-то (в той или иной, натуральной или денежной форме) выгоду (в денежной форме — прибыль).

В таком обществе максимизация выгоды (прибыли) служит средством и зачастую становится целью существования. Любая сфера приложения человеческой активности создаётся и формируется в эксплуататорском обществе в соответствии с изложенным предыдущей фразой законом существования. Субъектом действия этого закона является человек, объектом — окружающая человека природа.

В эксплуататорском обществе в природе осваивается не то, что могло бы принести пользу обществу, а то, освоение чего обеспечивает максимальную выгоду (прибыль), и обеспечивает её как можно скорее.

Частная собственность и частный интерес с неизбежностью делят природу на части, разрывают её как гармоничное целое, вырывают из целого одни части и игнорируют другие, противопоставляют «выгодные» части «невыгодным».

Частный интерес побуждает осваивать те части, освоение которых не только косвенно, но и непосредственно наносит вред людям.

Наконец, частный интерес, вырывая из природы сиюминутно «выгодные» части, оказывается совершенно неспособным учитывать последствия эксплуататорского освоения. Эксплуататорское освоение природы является частным (от слова «часть») не только в пространственном плане, но и во временном.

Эксплуататорское освоение природы я охарактеризовал в семи небольших абзацах. Как вы думаете, читатель, сколько раз при этом я употребил слова «частная», «частный», «часть»? Оказывается, четырнадцать. Признаюсь, я насытил характеристику эксплуататорского способа освоения природы этими однокоренными словами намеренно. Для чего? Для того, чтобы примерить к эксплуататорскому типу освоения природы (в качестве названия) слово «частный»...

Но нет, это слово для именованя эксплуататорского типа не подходит. Не подходит хотя бы потому, что уже занято, закреплено за собственностью эксплуататорского периода человеческой истории. Да и выражение «частный тип освоения» нельзя назвать удовлетворительным. Без разъяснений оно не очень понятно. Что же касается выражения «тип, разрывающий (разделяющий) природу на части», оно вообще ни в какие ворота не лезет. Нам придётся искать другое слово.

Раз мы споткнулись о слово-название, приостановимся на некоторое время и займём его чем-нибудь другим, скажем, поразмыслим над выражением «частная собственность». Думаю, это имеет смысл.

Вообще-то говоря, выражение «частная собственность» таутологично. Ведь собственность является собственностью только в сопоставлении со своим подобием, с другой собственностью. Иначе говоря, собственность всегда частная, всегда она есть какая-то часть дискретного массива. Что из этого следует? Во-первых, упрощение терминологии и, во-вторых, что важнее, уточнение или даже исправление понимания. Так, эксплуататорские общественные отношения вернее было бы называть не, как это принято, частнособственническими, а просто собственническими, а коммунизм — строем, в основе которого лежит не общественная собственность, а отсутствие собственности вообще.

Я не настаиваю на пересмотре терминологии. Хотелось бы, уважаемый читатель, чтобы вы, если в этом есть необходимость, подшлифовали своё понимание категории «собственность».

Вернёмся к причине нашей приостановки. За те минуты, что я писал фрагмент о «частной собственности», мне, кажется, удалось найти подходящее слово. Может быть, оно готово сорваться и у вас с языка. Если нет, дам вам две подсказки. Однокоренное с моим словом вы найдёте в самом начале книги и даже в этом абзаце...

Ну теперь, думаю, всё ясно. Эксплуататорский тип освоения природы мы без каких бы то ни было противопоказаний можем называть фрагментарным. Видимо, лучшее наименование мы вряд ли найдём. Давайте найденное название узаконим.

Вполне естественно возникает вопрос: чем ещё, кроме освоения «выгодных» фрагментов природы, характеризуются эксплуататорские социально-природные отношения? Остановлюсь на двух взаимосвязанных моментах (мой выбор пал на эти моменты из-за их значимости).

Во-первых, освоение природы на эксплуататорском отрезке истории, и это находится в полном согласии с собственнической сутью имеющего быть в это время строя, является стихийным. Маркс, оценивая работу немецкого ботаника и агронома Фрааса «Климат и растительный мир во времени, их история», отмечал: «Вывод таков, что культура, — если она развивается стихийно, а не направляется сознательно (до этого он как буржуа, разумеется, не додумывается), — оставляет после себя пустыню»¹.

Во-вторых, фрагментарное природопользование (речь идёт не только об агрокультуре) оставляет после себя не просто пустыню, а загромождённую отходами пустыню (впрочем, пустыню тоже надо отнести к отходам). Частный интерес собственника заставляет его игнорировать как интересы отдельных людей, так и общества в целом.

Эксплуататорский тип освоения природы является, таким образом, во-первых, фрагментарным, во-вторых, стихийным и, в-третьих, если можно так выразиться, отходным.

Теперь, выразив сущность эксплуататорского типа освоения природы в трёх словах, мы, как было намечено ранее, сыграем на противоположности эксплуататорского строя и коммунизма, как первобытного, так и будущего. Так мы определимся с сущностью коммунистического освоения природы.

Возьмём фрагментарность. Её противоположностью служит комплексность. Является ли коммунистическое освоение природы, как в прошлом, так и в будущем, комплексным? Несомненно, является. Порукой тому несобственнические общественные отношения коммунизма и восприятие человеком природы как целостности.

Сказанное, как я считаю, требует небольшого разъяснения, касающегося первобытно-коммунистической комплексности.

Предтечей древней (первобытной) комплексности была вписанность наших животных предков в природные процессы, в саморегулирующуюся природную систему, в природный комплекс.

Немаловажным фактором первобытной комплексности в освоении природы стал универсализм, свойственный ещё предчеловеку и проявлявшийся, в частности, во всеядности, которая заставляла предобщество, а затем и общество осваивать природу по множеству

¹ К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу. 25 марта 1868 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 45.

направлений, универсально, комплексно. Унаследованный человеком и его собственный пищевой и прочий универсализм (именно на его основе сложилось целостное восприятие природы) вкупе с несобственническими отношениями и обусловил расцвет комплексного освоения природы первобытным коммунистическим обществом.

Таким образом, закрепив за коммунистическим типом освоения природы комплексность, мы можем назвать его, в противовес названию «фрагментарный», комплексным.

Следующим атрибутом коммунистического освоения природы является противоположность свойственной эксплуататорскому типу стихийности. Как вы думаете, что противоположно стихийности? Авторы, пытающиеся описать освоение природы при коммунизме будущего, противоположностью стихийности считают сознательность. Согласно устоявшимся взглядам считается, что коммунистическое освоение природы будет осуществляться осознанно, сознательно.

Да, сознательно. С таким утверждением я не могу не согласиться.

Пока всё выглядит вроде бы гладко. Но при переходе к описанию первобытно-коммунистического освоения природы возникает, как говорится, неувязочка. Те же авторы хором утверждают, что первобытно-коммунистическое освоение природы является... стихийным. Как эксплуататорское? Выходит, да. Маленькая неувязочка превращается в мину, заложенную под диалектику развития человечества, под закон отрицания отрицания, под истину.

Что ж, будем разбираться в хитросплетениях «научной мысли». Это совсем нетрудно.

Всё дело в том, что противоположностью стихийного является не сознательное, а упорядоченное. А это — разные вещи. Что же касается клише «стихийному противоположно сознательное», оно бездумно (если угодно, бессознательно) переносится из одной стейки или книжицы в другую, из другой в следующую и т.д.

Является ли коммунистическое освоение природы, как в прошлом, так и в будущем, упорядоченным? Да. Только упорядоченность прошлого и будущего имеет разные субъективные основы. В грядущем упорядоченное освоение природы будет основываться на сознательном его осуществлении. В прошлом основой упорядоченности, её, так сказать, движущей силой были выработанные

исторически, методом проб и ошибок обычаи и традиции. Коммунистическая упорядоченность может безущербно существовать на столь различных основаниях. От различия оснований упорядоченность совершенно не страдает.

На данном рубеже за коммунистическим типом освоения природы мы закрепили комплексность и упорядоченность. Осталось разобраться с безотходностью.

Вообще, полностью безотходное освоение природы невозможно. Речь может идти только об относительной, максимально возможной безотходности. Характерна ли такая безотходность для того и другого коммунизма? Да, ибо безотходность обуславливается комплексностью и упорядоченностью освоения природы, а также восприятием природы как целого.

Представляется, что здесь, как и ранее, требуется ремарка, касающаяся на этот раз первобытно-коммунистической безотходности, впрочем, и будущей тоже.

Оказывается, первобытная безотходность имела немалое подспорье, обусловленное низким уровнем переработки изъятого из природы вещества. Этим подспорьем была способность среды легко воспринять и усвоить отходы, практически не отличающиеся от природных компонентов. В древности на безотходность работала и природа. Надо полагать, в будущем коммунистическое общество запустит тот же механизм средового усвоения отходов.

Ранее мы в трёх словах сконцентрировали сущность эксплуататорского типа освоения природы (фрагментарность, стихийность, отходность). Такие же «словесные затраты» нам понадобятся для характеристики сущности коммунистического типа. Этому типу атрибутивно присущи, во-первых, комплексность, во-вторых, упорядоченность и, в-третьих, относительная безотходность.

Генеральной чертой коммунистического типа освоения природы является комплексность, эксплуататорского — фрагментарность. Эти черты продиктовали нам названия исторических типов освоения природы.

Теперь, выяснив сущность исторических типов социально-природных отношений и определив их историческое место, мы можем подкрепить сделанное в этой главе графикой, причём в один рисунок мы можем вместить как социально-природную историю человечества, так и находящуюся с ней в полном соответствии социальную (рис. 1).

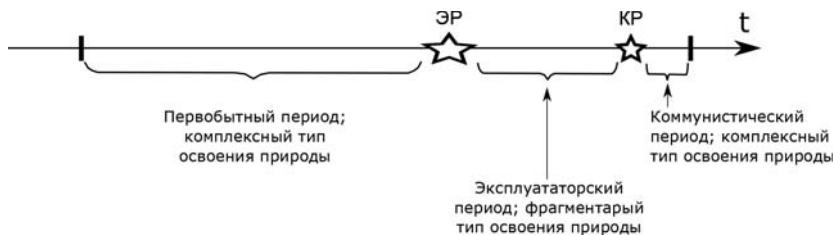

Рис. 1

Из «Коммунистической революции» вы знаете, что мегаформации включают в себя исторические образования меньшей значимости (формации). Формационному освоению природы присуща определённая специфика, разумеется, в рамках мегаформационного качества. Формационная специфика выявляема. Однако её выяснение не лежит в русле нашего исследования. Поэтому я ограничиваюсь только указанием на её существование.

История включает в себя как эволюционные, так и революционные компоненты. Полагаю, что диалектике их связи обязательно следует уделить хотя бы минимум внимания. Иначе наши представления, касающиеся социально-природных отношений (как и внутрисоциальных) не будут адекватны историческому процессу.

Думаю, уважаемый читатель, вам известен алгоритм общественного развития, выведенный Марксом. Напомню его.

Маркс пишет: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции¹.

Сейчас, опираясь на формулу Маркса, я попытаюсь описать алгоритм общественного развития, во-первых, справедливый для всей (а не только для писаной) истории и, во-вторых, учитывающий как социальные, так и находящиеся с ними в соответствии социально-природные отношения. Вот как это будет выглядеть.

¹ К. Маркс. К критике политической экономии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7.

На определённой ступени своего развития производительные силы общества приходят в противоречие с устаревающими социально-природными и внутрисоциальными (внутриобщественными) отношениями, внутри которых они до сих пор развивались. Из института, стимулирующего развитие производительных сил, эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции, как в обществе, так и в освоении обществом природы. Результатом революции является установление нового, более прогрессивного типа как социальных, так и социально-природных отношений.

Только теперь, не ограничившись типизацией социально-природных отношений, а включив в анализ и их революционную смену, мы можем в главе поставить точку. Впрочем, читатель, вас ждут ещё её итоги.

1. Имея в качестве оснований для начала работы над раскрытием темы главы, во-первых, периодизацию человеческой истории и, во-вторых, закон соответствия социально-природных и внутрисоциальных отношений, мы без труда определили число исторических типов освоения природы и их историческое место.

Типов освоения природы оказалось всего два. Один из них свойственен коммунизму (независимо от того, первобытный ли это коммунизм или высокоразвитый), другой – эксплуататорскому строю.

2. Типам освоения природы в соответствии с выясненной нами их сущностью были даны наименования. Эксплуаторский тип был назван фрагментарным, коммунистический – комплексным.

Наполнением сущности эксплуататорского типа наряду с фрагментарностью являются стихийность освоения природы и производство не утилизируемых в естественных процессах отходов. Что касается коммунизма (того и другого), сущность его природного экспансионизма состоит в комплексности и упорядоченности освоения природы, в организации относительно безотходного производства.

3. Не замыкаясь на эволюционных составляющих процесса освоения обществом природы, мы подключили к анализу и указание на революционные социально-природные подвижки, которые, как было показано в формулировке алгоритма

общественного прогресса, совмещены (не мною, а объективным порядком развития) с подвижками (революциями) социальными.

Выведенный в этой главе универсальный алгоритм (всеисторический и охватывающий как внутрисоциальные, так и социально-природные отношения) является теоретической новинкой.

4. Считаю необходимым указать и на содержащуюся в главе небольшую дозу критики (направленной на тех, кто не может даже подобрать антоним к слову «стихия»).

Критики могло быть и больше (это касается не только главы, но и всей книги). Но, чтобы не засорять работу всевозможными экологическими перлами, я стараюсь умерить свой критический пыл.

Имейте в виду, читатель, что, как и в «Коммунистической революции», мы идём практически по целине, вернее, по захламлённой целине.

ГЛАВА III

УГЛУБЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Эксплуататорский строй на протяжении всей своей истории характеризуется ранее отмеченными нами чертами: наличием собственности и собственническими общественными отношениями, фрагментарным типом освоения природы, стихийностью её освоения, отходным производством, вредоносным воздействием на биологию человека.

Всё это уничтожает коммунистическая революция. Коммунистическая революция есть революция антиэксплуататорская.

Да, коммунистическая революция является антиэксплуататорской. Но повергая эксплуататорский строй, она уничтожает его не как таковой, ибо это абстракция, а уничтожает его представленным определённой — капиталистической — формой. Эксплуатация вообще и капиталистическая эксплуатация, эксплуататорский строй и капиталистический соотносятся как абстрактное и конкретное, как общее и частное.

Поскольку исследование абстрактного без конкретного бесплодно, а конкретного без абстрактного — бессмысленно, занимаясь социально-природным кризисом эксплуататорского строя в его конкретном — капиталистическом — преломлении, следует понимать и постоянно учитывать взаимосвязь общего и частного. Мы, хотя это (взаимосвязь конкретного и абстрактного), скорее всего, и не бросается в глаза, так и поступаем.

Из множества присущих эксплуататорскому строю черт я выбрал самые важные и необходимые для разработки экологической темы. И в своём перечислении расположил их в логической последовательности, в виде логической цепочки.

Какое звено этой цепочки является в наше время, скажем так, самым экологически-кризисным, самым болезненным? Понятно, последнее. Следовательно, выясняя, углубляется ли экологический кризис, именно это звено надо поставить в центр внимания.

Возникает вопрос: почему последнее звено, если можно так выразиться, встало во весь рост, проявилось только при капитализме, почему не раньше? Или в более широком плане: почему именно капитализм ведёт к гибели эксплуататорский строй?

Ответить, думаю, нам не составит большого труда, ибо это, вообще-то говоря, азы марксистского обществоведения.

Капитализм, как социально-экономическое явление не может не расширяться. Но возможности его распространения не безграничны. В определённый момент в своём расширении он приходит к пределу, к мировому охвату. Капитализм становится мировым строем (об этом шла речь в «Коммунистической революции»). Производительным силам, которым свойственно не останавливаться в своём развитии, становится тесно в рамках собственнических общественных отношений, фрагментарных по своей сути и структуре. Упёршиеся в предел производительные силы вступают в противоречие с устаревшими общественными отношениями. Разрешить это противоречие может только отрицающая эти отношения мировая социальная революция. И сегодня не теоретически мыслимая, а реальная, коммунистическая, осуществляющаяся с 1917 года. Она передаёт эстафету прогресса противоположности эксплуататорского строя, коммунизму.

Такова, применительно к внутриобщественным отношениям, самая общая схема замены эксплуататорского строя, последней формой которого является капитализм, коммунизмом. Как видите, уважаемый читатель, я всего лишь адаптировал «алгоритм Маркса» к современной эпохе, эпохе коммунистической революции. Вы скажете, и будете правы, что по подобной же схеме должен уходить в небытие — через аналогичное противоречие, кризис и революцию — капитализм и в его, так сказать, социально-природном преломлении.

В чём состоит эколого-социальное противоречие капитализма? В несовместимости мирового масштаба освоения природы и фрагментарного типа социально-природных отношений.

Экологическое противоречие упёршегося в свой предел капитализма выражается сегодня — в частности, через производство разного рода отходов — в невзгодах и страданиях человека, в пагубном на него воздействии (я говорю «в частности», потому что у капитализма есть и другие средства «умерщвления плоти»).

Капитализм не в состоянии в принципе повернуть вспять свой (вызванный им самим) экологический кризис. Единственное, на что он способен, правда, не столько для того, чтобы предотвратить

экологическое скатывание, сколько ради сохранения своего лица, это — подкреплённые регулярным выражением «обеспокоенности» весьма ограниченные (и нередко при этом саботируемые) «охраняющие природу» меры. Но что стоит такая «охрана», если она тонет в пучине всё более и более обостряющегося кризиса?

Таким образом, антиэксплуататорское действие коммунистической революции реализуется в антикапиталистической форме. Это касается как внутриобщественной, так и социально-природной стороны революции. Абстракция, будучи приложенной к практике, всегда расконкречивается.

Как я только что заметил (впрочем, на это я обращал внимание и ранее), экологический кризис всё более и более обостряется. Наверное, неплохо было бы подкрепить это вытекающее из теории утверждение доказательствами практического порядка. К ним мы сейчас и обратимся.

На мой взгляд, вполне достаточным будет более или менее детальное рассмотрение всего одного направления развития кризиса.

Все другие, без исключения, характеризуются той же тенденцией обострения. В этом нетрудно убедиться — Интернет, специальная литература, экологическая публицистика, да и современное бытие тоже, снабдят вас массой подтверждающей мои слова информации. Впрочем, после рассмотрения направления, которое мы сейчас выберем, я обращаю ваше внимание, читатель, и на некоторые другие составляющие кризиса.

Какое направление нам выбрать? Желательно, чтобы оно было, во-первых, одним из основных, во-вторых, демонстрирующим в своём рассмотрении пагубность для человека стихийного, фрагментарного освоения природы и, в-третьих, характеризующим объективными (цифровыми) данными. Найдём ли мы такое направление?

Да, такое направление есть. Оно бьёт по жизненно важной потребности человека, потребности в годном для дыхания воздухе. Я говорю о таком аспекте экологического кризиса, как деградация атмосферы¹.

¹ Цифры, которые я буду приводить далее, являются, из-за некоторого различия почерпнутых в разных источниках данных, усреднёнными. Такое усреднение совершенно не искажает картины усугубления экологического кризиса вообще и рассматриваемого нами его направления в частности.

Известно, что атмосфера Земли, её состав и другие характеристики изменялись на протяжении многомиллиардной истории планеты. Причём былые изменения, если в зачёт не брать катастрофы, не были скоротечными. Живое, в том числе и его наиболее развитые формы, успевало приспособиться к изменениям воздушной среды. Сейчас, в условиях экологического кризиса, мы имеем скоротечное, стремительное изменение атмосферы. Исследователи, предметом интереса которых является состав атмосферы, отмечают, что в течение последних 55 лет (замечу: кризисных лет) толщина атмосферного слоя уменьшилась примерно на 20 км (со ста с лишним до восьмидесяти), а кислородная фракция атмосферы потеряла более 4 % своей массы.

Кислород не улетает неведь куда. Почему происходит его убыль, хорошо известно. Львиная доля изъятия кислорода из атмосферы приходится на сжигание углеводов и производство металлов. Возьмём первую статью (сжигание углеводов).

Так, сжигание 1 кг угля или дров требует изъятия из воздуха 2 кг кислорода. Всего час работы автомобиля компенсируется годом жизнедеятельности выделяющего кислород дерева, а трансконтинентальный полёт самолёта требует годовой компенсации 20–25 тысячами деревьев. Представьте, читатель, на одного пассажира, любующегося через иллюминатор голубой гладью океана, «работает» в течение года небольшая роща или перелесок.

Лесов на планете становится всё меньше и меньше. Например, в истекшем десятилетии легально вырубалось по 4,7 млн га ежегодно. Правда, темпы легального сокращения лесных массивов в последнее тридцатилетие падают. Но это лишь в малой степени сокращает потери¹.

Вернёмся к сжиганию углеводов. Если в 2011–2015 гг. потребление жидкого топлива составляло 4,481 млн т. ежегодно,

¹ Есть и другая точка зрения. Недавно группа исследователей, изучая спутниковые снимки, пришла к выводу, что площадь, занятая лесами, с 1982 года по настоящее время (2018 г.) увеличилась на 7 % («Nature», 2018, vol. 560, pp. 639–643). Думаю, да и сами авторы указывают на это, что результаты данного исследования противоположны моим выводам и выводам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) из-за различной трактовки понятия «лес». Видимо, можно говорить об увеличении площади «леса вообще», но не площади, занятой зрелым, товарным лесом.

то в следующей пятилетке (2016–2020 гг.) — 4,715 млн т. В начавшемся в этом году пятилетии (2021–2025 гг.) прогнозируется ежегодное потребление в объёме 4,937 млн т., а в следующем за ним (2026–2030 гг.) — уже 5,208 млн т. Рост несомненный. А есть ведь ещё и твёрдое топливо (и газ, конечно), являющееся своего рода «оружием» двойного или даже тройного действия. При сжигании угля, торфа или сланцев не только происходит изъятие из атмосферы кислорода, но и выделяются в значительных объёмах вредные для человека газы и образуются миллионы тонн твёрдых отходов, как в виде ядовитых аэрозолей, так и различного рода также небезвредных шлаков.

С производством и потреблением топлива коррелирует, что, думаю, понятно, производство главного загрязнителя и пожирателя кислорода городов — автомобилей. В 1970 г. мировой парк автомобилей составлял 250 млн единиц, в 2010 — уже 1 млрд. Рубеж в 2 млрд, согласно прогнозам, будет преодолен к 2035 г. Подсчитайте, читатель, сколько деревьев потребуется для нейтрализации этого Левиафана внутреннего сгорания.

В последнее время много говорят о переводе автотранспорта на электрическую тягу. Когда это произойдёт, воздух в городах станет, конечно, чище. Но у этой медали есть и обратная, неприглядная сторона. Дело в том, что производство лития (а это — основной компонент современных аккумуляторов), как и утилизация аккумуляторов, выработавших свой ресурс, связано, во-первых, с выделением немалого количества токсичных, опасных для здоровья веществ и, во-вторых, со значительными энергозатратами. Электроэнергия необходима и для перезарядки аккумуляторов. Где она (электроэнергия) производится? На электростанциях, в том числе и работающих на углеводородах. Пока уголь и нефть используются при производстве электроэнергии, пока не выработаны безопасные и малоотходные технологии производства и утилизации аккумуляторов, замена традиционных автомобилей на электрокары не является такой экологичной, как кажется на первый взгляд. В выигрыше от такой замены — в виде прибыли — окажутся в первую очередь производители новинки. А какова роль прибыли при капитализме, мы с вами хорошо знаем, читатель.

Пожалуй, я усилю сказанное. Поэксплуатируем ещё тему электромобиля. Электромобиль — хороший пример для распознавания, так сказать, экологической односторонности капитализма.

Предположим, житель какой-то благополучной европейской страны решил приобрести электромобиль. Дороговато? Зато как комфортно. В общем, зашёл в автосалон, выбрал, расплатился и поехал. Но только ли владельцем авто оплачен его комфорт? Нет. За его комфорт заплачено здоровьем и даже жизнями рабочих литиевых, кобальтовых, никелевых рудников. Заплачено здоровьем шахтёров, дышащих угольной пылью. Заплачено здоровьем людей, живущих в чадающих выбросах металлургического комбината...

Какое резюме вытекает из вышесказанного?

Любая мера, направленная на улучшение экологии, не может быть единичной, не может осуществляться в отрыве от всего того, что вовлечено в процесс производства.

Не знаю, ввиду очевидности ответа сто́ит ли задаваться вопросом: есть ли этот отрыв? Он налицо. И от этого никуда не уйдёшь. Он запрограммирован природой капитализма, разделённого на «золотой миллиард» и «остальных» (поставим этот атрибут капитализма в ряд с фрагментарностью, стихийностью и отходностью). Ожидать принятия экологических мер на кобальтовых разработках в Конго (ДРК) или местах добычи лития в Боливии, мягко говоря, проблематично, а по правде — безнадёжно.

Решение экологической проблемы может быть только комплексным, коммунистическим.

Выбирая для рассмотрения направление экологического кризиса (мы бросили взгляд, несколько расширив рамки вопроса, на деградацию атмосферы), я запланировал обратить внимание и на другие составляющие кризиса. Во исполнение плана коснёмся некоторых кризисных проявлений.

В предшествующем изложении я уже затронул тему отходов. Дополним её парой штрихов.

Отходы можно разделить на бытовые и промышленные. Растёт ли их объём? Да, и рост обнаруживается в обеих группах. В последнее время только твёрдых бытовых отходов человечество производит более 2 млрд т. в год (переработке же, в результате которой из атмосферы изымается кислород и образуются отходы второй очереди, подвергается лишь малая часть — 13–15%). Что касается прогноза, он неутешителен — к середине столетия ежегодный объём твёрдых бытовых отходов может возрасти до 3,4 млрд т.

Я помню, с какими надеждами мир вступал в «век химии». Сейчас мы пожинаем побочные плоды химизации. Если в 1950 г. на Земле практически не было пластикового мусора, то к сегодняшнему дню его накопилось уже около 7 млрд т., т.е. приблизительно по тонне на человека. Убыль составляет примерно 20 % (около 9 % выброшенного пластика перерабатывается, а 12 % — просто сжигается). Но убыль многократно перекрывается с каждым годом всё увеличивающимся потоком. Предполагается, что к 2050 г. нетленная (пластик разлагается сотни и тысячи лет) всемирная «пластиковая свалка» будет весить 12 млрд т. Беда состоит в том, что значительная доля пластикового мусора (бутылки, различные упаковки, одноразовая посуда и т.д.), если можно так выразиться, пролетает мимо свалок, рассеивается у дорог, в лесах, попадает в реки и озёра, скапливается в морях и океанах.

Наверное, нет смысла рассматривать другие отрасли мусоропроизводства. Все они достаточно бурно «развиваются». Заклучая тему отходов, не могу не привести, так сказать, результирующей и, пожалуй, самой удручающей информации. Из изъятю у природы используется только 3–5 %, остальные 95–97 % просто выбрасываются.

На мой взгляд, требует внимания и такая составляющая экологического кризиса, как обеднение биосферы.

С каждым годом стихия хозяйственной деятельности всё более урезает видовой состав фауны и флоры. Вы спрósите: так ли это страшно?

Биосфера представляет собой слаженно функционирующий комплекс. Изъятие какого-то, даже незначительного, звена вызывает сбой его работы. Незначительная прореха может быть залатана — биосфера обладает немалыми компенсационными возможностями, способностью восстановления. Но у её возможностей имеется предел. Существенные изменения, а они уже происходят, чреваты необратимыми последствиями.

Человек — часть биосферы, и сегодня он рубит сук, на котором сидит. Биосферный комплекс требует — на современном уровне развития производительных сил — адекватного себе, комплексного отношения. Но, видимо, и во взаимоотношениях с биосферой человечеству суждено дойти до тупика.

Ещё одна составляющая экологического кризиса не рассматривается в качестве таковой (т.е. составляющей кризиса). Но

поскольку она прямо связана с пагубным воздействием на биологию человека, указание на неё я считаю необходимым. Что я имею в виду? Я говорю о фальсификации жизненно важных средств существования человека, прежде всего, продовольственных товаров и лекарств. Возьмём, как мне представляется, наиболее опасный, лекарственный фальсификат.

На фармацевтическом рынке развитых стран доля фальсифицированных и недоброкачественных лекарств сравнительно невелика. Она составляет 6–8 % (15–20 млрд долл.). Другое дело, в России (как и в странах, не относящихся к верхнему полюсу капитализма). Я приведу данные из разных источников, а потом вы сделаете вывод, читатель.

Так, по усреднённым данным из источников, не связанных с производством лекарств и их реализацией доля фальсификата на российском рынке составляет примерно 50 %. Ещё бóльшую цифру даёт Торгово-промышленная палата — до 60 %.

А теперь, внимание — данные заинтересованной стороны. Росздравнадзор заявляет, что доля фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств составляет не более 1 %, а по данным Российской ассоциации аптечных сетей (РААС) фальсифицированной является только 0,01 % лекарств.

Вы сделали вывод, читатель? Он настолько очевиден, что я не буду его прописывать — лучше сэкономя бумагу. К вашему сведению: торговля поддельными лекарствами приносит в двадцать раз больше прибыли, чем наркоторговля.

Стремление к прибыли заставляет фальсифицировать (не только продукты или лекарства, но и, к примеру, объективные данные), заставляет перечёркивать сказанное вчера, лгать, изворачиваться, имитировать якобы полезную для людей деятельность.

Сегодня весь этот набор нам демонстрирует фантазмагория, развернувшаяся вокруг пандемии. Её девиз — «прививать, прививать и перепрививать!». Прививать, несмотря ни на что. Прививать переболевших, имеющих природный иммунитет, прививать детей. Ради чего такое рвение? Ради заботы о людях? Нет. Истинный смысл девиза иной: «больше вакцины, больше вакцины, как можно больше вакцины!». На кону стоят многие миллиарды.

Рано или поздно мы узнаем подноготную коронавирусной кампании, узнаем имена умноживших свои капиталы, узнаем имена и размер комиссионных их слуг...

Будет ли нам от этого легче? Вряд ли. Облегчение почувствуют разве что наши карманы. Ведь освящённые сверху прибыли воротила разного уровня и пошиба формируются и наращиваются исключительно за счёт так называемых налогоплательщиков.

Может быть, читатель, у вас создалось впечатление, что мы ушли в сторону. Не скажите. Мы, возможно, несколько отвлеклись от темы главы, но не от темы книги. Собственнические общественные отношения, обуславливающие стремление к прибыли, являются начальным звеном цепочки, прямым ведущей в наше время к кризису (в том числе экологическому, социально-природному) эксплуататорского строя, его последней формы — капитализма¹.

Зачтём отвлечение в наш актив, поставим на этом в главе точку и подытожим в ней сделанное.

1. Если раньше об углублении экологического кризиса мы говорили без опоры на конкретику, то в этой главе, благодаря привлечению конкретных данных, думаю, мы всецело убедились, что тенденцией изменения экологической ситуации является её обострение.

Более того, обращение к экологической действительности, особенно, последних десятилетий, позволяет говорить об ускорении развития экологического кризиса. С теоретической точки зрения, такая динамика закономерна, ибо революционная смена одной общественной формы другой (а кризис старого является компонентом этой смены) развивается по экспоненте.

Что касается антикризисных мер, предпринимаемых капитализмом, они представляют собой не более как урезанный паллиатив.

2. Нами было отмечено, что коммунистическая революция, будучи по своей сути и объективной роли в истории антиэксплуататорской, уничтожает эксплуататорский строй не как таковой, ибо это — абстракция, а в его конкретной исторической — капиталистической — форме.

Поэтому социально-природный кризис эксплуататорского строя можно и должно рассматривать как социально-природный (экологический) кризис капитализма. Что мы и делали.

¹ Абстрактный разговор о прибыли мы начали в предыдущей главе и дополнили его конкретикой в настоящей.

3. В этой главе, которую можно охарактеризовать как главу конкретизации, мы расконкретили ещё одну абстракцию. Я имею в виду алгоритм общественного развития. Если ране он был сформулирован в общем виде, то сейчас мы адаптировали его к современной эпохе.

Применительно к современной эпохе алгоритм общественного развития выглядит так.

Когда производительные силы капитализма перерастают свойственные этому строю социально-природные (общественно-природные) и внутриобщественные отношения, последние (те и другие отношения) из института, ранее стимулировавшего развитие производительных сил, превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха коммунистической революции, как в обществе, так и в освоении обществом природы. Результатом этой революции является утверждение коммунизма.

ГЛАВА IV

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОСВОЕНИИ ПРИРОДЫ КАК ПРОЦЕСС

Разным людям свойственно по-разному познавать мир.

Одни, столкнувшись с чем-то новым (будь то вещь или какое-нибудь явление) и совершенно не стремясь докопаться до сути, задаются лишь вопросом «что это такое?» и, получив ответ, вполне этим удовлетворяются. Думаю, не надо объяснять, что знания таких людей являются не только поверхностными, но зачастую и превратно отражающими действительность.

Для неотягощённых дипломами и степенями источником поверхностных знаний чаще всего служит мнение «сведущих людей», которые на поверку, как правило, оказываются такими же знатоками-верхоглядами, как и их ученики.

Псевдомарксистская обществоведческая «кухня познания» в принципе не отличается от, скажем так, обыденной. Разве что авторитеты здесь посolidнее. Таковыми могут быть слова, вырванные из контекста работы классика, «открытия» обладающего верховной властью «гения всех времён и народов», «выводы и положения» очередного съезда, на худой конец, плод фантазии какого-нибудь титулованного казённого (и достаточно скудоумного) академика или профессора. Полагаю, уважаемый читатель, в «Коммунистической революции» я показал, каково качество блюд этой «кухни».

Другие, пытливые, думающие люди ни в коем случае не удовлетворяются ответом (ими самими добытым) на вопрос «что?». Они всегда идут дальше, всегда вслед за вопросом «что?» ставят вопрос «как?». Меткой исследователя обязательно являются вопросы «как устроена вещь?» («почему так, а не иначе?»), «как протекает явление?» («каковы его внутренние и внешние пружины?»). Причём в научном, доброкачественном исследовании решение вопроса «что?» не оторвано от решения вопроса «как?». Исследователь решает первый вопрос не только с прицелом на второй, но

и уже проникая в него, выясняя суть вещи или явления. А это, в свою очередь, позволяет, а иногда и заставляет, скорректировать или даже пересмотреть первоначальное суждение об изучаемом предмете. Я уж не говорю, что предмет познания рассматривается думающим человеком в связи с другими вещами и явлениями. Полагаю, что до сего момента, взявшись за исследование коммунистической революции в освоении природы, мы действовали именно таким образом.

Вы спросите, читатель: что же, дальше мы отойдём от «канона пытливого человека»? Нет, ни в коем случае. Дальше, в основном разобравшись с вопросом «что?» (с весьма существенным проникновением в вопрос «как?»), мы более или менее детально займёмся разработкой второго вопроса.

Здесь в читаемой вами книге пролегал путь достаточно условный, но тем не менее водораздел между, позволю себе так выразиться, составляющими двуединство вопросами мыслящего человека. В этой главе мы начнём разбираться, как протекает коммунистическая революция в освоении природы.

Для начала мы присмотримся к формулировке алгоритма общественного развития, как данной Марксом, так и распространённой мною на социально-природные отношения. О какой революции говорит Маркс? О кратковременной, политической или достаточно длительной, социальной? Определённо, о длительной. Об этом свидетельствует выражение «эпоха социальной революции». Да и вообще, марксизм рассматривает прогрессивную смену общественных форм как революционный переход, занимающий определённую историческую полосу. Такая оценка обоснована как теоретически, так и на основе огромного исторического материала.

На относительную длительность революции я указал и в своих формулировках. Указал, употребив как марксово выражение (во второй главе), так и ему тождественные «мировая социальная революция» и «эпоха коммунистической революции» (в третьей главе)¹.

Теперь, уважаемый читатель, я поставлю следующий вопрос. Как бы вы в нескольких словах выразили суть социальной революции?

¹ О понятии «социальная революция» (или «революция в широком смысле»), как и о самой такой революции, речь шла в шестой главе «Коммунистической революции».

Если вы считаете, что суть социальной революции состоит в замене старых общественных отношений новыми, более прогрессивными, я не могу с вами не согласиться.

Каков же вывод из сказанного выше? Мы его получим, соединив ответы на поставленные вопросы (о длительности социальной революции и её сути). Распространим этот вывод на социально-природные отношения и сузим (конкретизируем) его до одной, современной, коммунистической революции.

Тогда мы получим: революционный переход от старых внутри-общественных и социально-природных отношений к их новому типу занимает всё время коммунистической революции, является не кратковременным, тем более, не одномоментным актом, а происходит, будучи сутью революции, в виде процесса на всём её протяжении (думаю, понятно, что новые социально-природные отношения формируются и развиваются в рамках набирающей силу мировой системы коммунизма)¹.

Почему нам необходимо такое заключение? По двум причинам.

Во-первых, понимая, что революционная смена социально-природных отношений представляет собой в хронологическом плане ощутимой длительности историческую полосу, мы можем заняться периодизацией этой смены и характеристикой её периодов.

Во-вторых, имея научно выдержанное адекватное действительности заключение о продолжительности революционной смены внутриобщественных и социально-природных отношений, мы можем использовать его в борьбе с одним сталинистским извращением теории (а в былые времена — и практики).

Какое извращение я имею в виду? Обналичу его, вспомнив один из своих опросов.

Не так уж и давно, когда ещё в вузах не было экономиксов, я озадачил своих коллег, преподавателей кафедры политэкономии социализма интересующим нас вопросом. Я спрашивал: как вы считаете, насколько быстро могут быть заменены старые общественные отношения на новые, противоположные старым? Опрошено было двадцать два человека. Каковы же результаты?

Два человека, не интересовался почему, ушли от ответа. Остальные двадцать (все до единого!) сказали, что на это много времени

¹ Хронологии революционного перехода к коммунизму мы коснулись в двадцать четвертой главе «Коммунистической революции».

не потребуется, и назвали (также все до единого!) в ответ на просьбу привести пример в качестве такового... Как вы думаете, что, читатель? Ни много ни мало... «установление социалистических общественных отношений в СССР в первой половине 1930-х годов, после завершения нэповского отступления».

Такое вот понимание. Не перестаю восхищаться, нет, не ответом, а качеством сталинской дрессуры. Что касается нынешних «коммунистов» с их всё тем же «переходным периодом от капитализма к социализму» и перекошенным влево социализмом, они не могут не «мыслить» так же, как и опрошенные мною сорок лет назад (кое с кем из «коммунистов» последней генерации я беседовал на интересующую нас тему). Дрессировщика давно нет, а настройка «мыслительных аппаратов» совершенно не сбивается.

Вы, конечно, понимаете, почему я использую кавычки. Прикиньте, каков процент «коммунистов» (и вообще людей), бездумно удовлетворяющихся спущенным сверху (почерпнутым на стороне) ответом на вопрос «что?».

Однако займёмся позитивной работой. У нас на очереди — периодизация перехода от старых, фрагментарных социально-природных отношений к новым, коммунистическим, комплексным (периодизация коммунистической революции в освоении природы).

Как нам известно, любой сколько-нибудь растянутый во времени прогрессивный переход состоит из трёх весьма отличных один от другого периодов. Периодов в составе такого — лежащего в русле прогресса — перехода не может быть ни больше, ни меньше.

Переход от старого к новому есть их борьба. Борьба, в ходе которой возможны, что несомненно с точки зрения теории и что подтверждается практикой, только три варианта соотношения сил противоборствующих сторон, уходящего и нарождающегося.

Первый период характеризуется превосходством старого над новым. Применительно к внутриобщественным отношениям в «Коммунистической революции» мы назвали его эмбриональным. Это название мы должны сохранить и рассматривая социально-природные отношения. Почему должны? Потому что общественные и социально-природные отношения в конечном счёте находятся в соответствии. И те, и другие, выражаясь по-математически, являются функцией производительных сил. Соответствие общественных и социально-

природных отношений заставляет считать выработанную в «Коммунистической революции» периодизацию применимой и к взаимоотношениям общества и природы.

Для второго, срединного периода коммунистической революции в освоении природы характерно, если абстрагироваться от динамики, равенство сил старого и нового. Этот период был назван нами равновесным. Естественно, нам надлежит сохранить и это наименование.

Третий период перехода знаменуется превосходством нового над старым. Закрывающий коммунистическую революцию период мы так и назвали — заключительным.

Напомню вам, читатель, что в силу ускоренного развития коммунистической революции (как и любой другой социальной революции) её второй период короче первого, а третий — короче второго. Графическую иллюстрацию к сказанному вы найдёте в шестой главе «Коммунистической революции».

Равновесный и заключительный период коммунистической революции лежат в будущем. Грядущая действительность покажет, как будет утверждаться комплексный тип освоения природы. Сегодня, на мой взгляд, лучше говорить о его утверждении в самом общем плане.

Определённо можно полагать, что в заключение коммунистической революции уже близкий к своей полноте коммунизм будет всё более и более диктовать уходящему капитализму свои «правила игры» во взаимоотношениях человека и природы. На протяжении третьего, заключительного периода экологический кризис начнёт решительно разрешаться и к концу коммунистической революции будет преодолен полностью.

Равновесный период даст нам качание «экологического маятника». На протяжении этого периода экологический кризис сначала будет углубляться и достигнет своего апогея, затем выйдет на плато и пойдёт на убыль.

Разумеется, это — самая общая и упрощённая схема. Скажу банальное: действительность всегда богаче любой, даже самой детализированной схемы. Весьма вероятно, что равновесный период будет отмечен какими-то антиэкологическими эксцессами, как объективного, так и субъективного толка, и, может быть, не только с капиталистической стороны. Заключительный период в этом отношении, по идее, должен быть более спокойным.

Эмбриональный период уже частично пройден человечеством. Мы знаем, какое освоение природы продемонстрировал и продолжает демонстрировать капитализм. А коммунизм? Нарождающийся коммунизм объективно должен был бы показать какие-то зачатки свойственного новому строю отношения к природе. Но этого не случилось. Почему?

История для запуска какого-то процесса предоставляет вход в виде полосы той или иной длительности. Такой вход имелся и для запуска мировой коммунистической революции. Как мы знаем, коммунистическая революция для своей реализации использовала первую же, связанную с мировой войной возможность. Революция могла бы начаться и позже, в другое время, при другом охвате стран и, главное, на другом уровне развития капиталистического мира и его слабейших звеньев. Но сложилось так, как сложилось. Коммунизм (конечно, неполный) оказался вынужденным существовать на почве, которая ещё не вызрела для его более или менее органичного развития. В этом состоит, пожалуй, главная причина его отличия от теоретически мыслимого идеала.

Думаю, понятно, что извращённый социализм (неполный коммунизм) должен хромать, и мы это вкусили, не только на, так сказать, внутриобщественную ногу, но и на общественно-природную. «Хромота» на эту ногу стала более или менее ощутимо проявляться на подступах к последней четверти прошлого века. Что же касается предшествующего времени, социалистические эколого-кризисные явления тогда ещё не достигли той остроты, которая заставляла бы придавать им значение.

Что я имею в виду, говоря о социалистических эколого-кризисных явлениях?

Нормальное социалистическое хозяйствование по своей природе является плановым. Расшифруем слово «плановое». Плановое значит внутренне увязанное, комплексное, т.е. такое, которое в общем-то представляет собой прообраз будущего коммунистического хозяйствования и которое, с экологической точки зрения, не является столь вредоносным, как фрагментарное капиталистическое.

Извращённый социализм делает хозяйствование ненормальным. Люди старшего поколения помнят, что во времена СССР невыполнение плана, мягко говоря, не приветствовалось, а перевыполнение, напротив, одобрялось. На перевыполнение плана,

который, между прочим, квалифицировался как закон (а закон, как известно, требует неукоснительного выполнения), на всю мощь работала партийная пропагандистская машина. На перевыполнение было нацелено так называемое социалистическое соревнование. Призыв к перевыполнению был закреплён в лозунгах типа «Пятилетнее задание в четыре года» и таких пафосных констатациях, как, например «Москва — Ленинград соревнуются»...

Перевыполнение планов имело место. Конечно, не везде и не всегда. Гораздо чаще планы не выполнялись. Такое положение дел заставляло бороться (это слово тогда было на слуху) за выполнение и перевыполнение. А в борьбе, что не секрет, в ход идут все средства, в том числе и безоглядное вычерпывание самых различных ресурсов, т.е. по существу свойственное капитализму стихийное, фрагментарное освоение природы.

Добавьте к этому огромные товарные запасы на складах и во дворах предприятий, производство разного рода неликвидов, обязательность так называемого освоения средств, просто элементарную бесхозяйственность...

В общем, отступление от социалистической нормы имеет одним из своих проявлений и ненорму природопользования. В освоении природы чересчур коммунистический социализм оказался чересчур капиталистическим.

Так что, к сожалению, мы не имеем возможности охарактеризовать эмбриональный период коммунистической социально-природной революции в положительном ключе (в других странах коммунистической системы метода хозяйствования в принципе не отличалась от советской).

В чём состоит основная, глубинная причина такого экологического провала? Я должен ещё раз указать на бедную для коммунистических преобразований социально-экономическую почву. Хотя начало коммунистической революции со стран типа России закономерно. Что ж, видимо, таковы издержки «мук родов».

В заключение главы, если я утомил вас, читатель, мы проведём небольшой сеанс релаксации. В качестве релаксатора я предложу вам маленький рассказ о пресловутом освоении средств.

На одном судостроительном заводе за пару дней до окончания года спохватились, что неосвоенными остались некоторые средства. Что делать? Надо срочно осваивать. Но для постройки нового судна или цеха нет ни материалов, ни команды сверху...

...Выход нашли. Двое суток в три смены газорезчики резали готовый корпус сухогруза, а сварщики, идущие следом, сваривали разрезанное. К Новому году управились. Средства освоили, отпартовали (без уточнения). Премии получили.

Это не выдумка, а реальный случай. Наверное, Райкину он не был известен (у Райкина есть миниатюра об освоении средств овощебазой).

Вы спросите: какова же мораль описания одного из случаев промышленного мазохизма? Она бесхитростна. Выражу её в вопросительной форме.

Каким может быть освоение природы, если созидание и разрушение созданного поставлены на одну доску?

А теперь мы подведём итоги.

1. Исходя из того, что сутью революции является смена старых внутриобщественных и социально-природных отношений новыми, мы, опираясь на марксистскую традицию, пришли к выводу, согласно которому становление комплексного типа освоения природы занимает всё время коммунистической революции.

Такой вывод открывает простор для исследования коммунистической революции в освоении природы в рамках вопроса «как?».

Данный вывод имеет и критическую направленность. Объектом критики с выработанных нами позиций являются сталинистские взгляды, между прочим, достаточно расплывчатые, согласно которым смена общественных отношений (социально-природные отношения сталинистам неведомы) сводится к кратковременному политическому акту.

2. Коммунистическая революция в освоении природы была расчленена на три периода.

Такое членение, в силу соответствия внутриобщественных и социально-природных отношений, по сути дела является той периодизацией революционного перехода человечества к коммунизму, которая была выработана в «Коммунистической революции».

Естественно, за периодами коммунистической революции в освоении природы были закреплены уже имеющиеся названия.

3. Характеристика периодов коммунистической революции в освоении природы является, пожалуй, самым трудным (для автора) местом главы.

Что касается будущего (второго и третьего периода), представляется возможным лишь очертить его контуры.

Теория подсказывает, что в течение равновесного периода экологический кризис, достигнув своего апогея, начнёт смягчаться, чтобы на следующем шаге коммунистической революции (в ходе заключительного периода) полностью сойти на нет. Подтвердятся ли теоретические выкладки практикой, покажет будущее.

В начальное же течение коммунистической социально-природной революции (первый, эмбриональный период) свои коррективы (ещё какие коррективы!) внёс извращённый социализм. Поэтому мне не оставалось ничего другого как констатировать, мягко выражаясь, неэкологичность советского типа хозяйствования.

Само собой разумеется (я даже обошёл это в тексте главы, но показал ранее), для эмбрионального периода коммунистической революции в освоении природы характерно углубление мирового экологического кризиса.

ГЛАВА V

«ДРУГИЕ ОТХОДЫ»

Ранее, во второй главе, я мимоходом заметил, что полностью безотходное освоение природы невозможно и что речь может идти только об относительной (и максимально возможной) безотходности коммунистического производства. Этим замечанием я указал на какие-то отходы, избежать выделения которых невозможно, а улавливать и перерабатывать... Оставим эту фразу незаконченной. Сначала выясним, что это за отходы, а потом её завершим.

Но прежде я ликвидирую числящийся за мной долг (интересно, вы его заметили, читатель?). Об отходах мы уже успели поговорить. Но их место в системе «общество — остальная природа» пока не выяснено. Или отходы находятся вне данной системы?

Человеческое общество развивается за счёт остальной природы, посредством её освоения. Стороной развития общества является рост и совершенствование его «неорганического тела», т.е. всего того, что создано объединёнными общественными связями людьми в ходе их деятельности.

Двумя предложениями последнего абзаца я охватил всё то, что интересно нам, занимающимся исследованием освоения обществом природы, а именно: человеческое общество и остальную природу. Человеческое общество я даже разложил на два компонента — собственно людей («объединённых общественными связями людей») и «неорганическое тело» общества (в скобках замечу, что материальный носитель социальной формы организации материи состоит из этих двух компонентов — людского и вещного).

Я утверждаю: за пределами остальной природы никаких иных компонентов не существует.

Тут вездливый читатель, предполагаю, не упустит возможности вставить своё слово. «А где же отходы, о которых говорилось в третьей главе?».

Въедливым, конечно, быть хорошо, но ещё лучше — въедливым и внимательным. Во второй фразе того абзаца «неорганическое тело» расшифровывается как всё то, что создано людьми, создано в ходе их деятельности. Отходы тоже создаются людьми, создаются, как и полезные, полезные людям вещи, в процессе производства, из материала внеобщественной природы. Отходы представляют собой материю остальной природы, подвергшуюся воздействию, освоению и, следовательно, присовокуплению... Присовокуплению к чему? Только к «неорганическому телу» общества. С такой характеристикой больше не к чему.

«Неорганическое тело» включает в себя не только работающий на развитие позитив, но и негатив, к которому, кроме того, чему мы уделили внимание в третьей главе, надо отнести и вычерпанные месторождения полезных ископаемых, и заброшенные населённые пункты и сооружения (заводы, плотины, аэродромы и т.д.), и оскудевшие акватории...

Освоение природы, при котором только что названный негатив «неорганического тела» (и негатив из третьей главы) может быть сведён практически к нулю, возможно. Как это будет сделано? В следующей главе мы ответим на этот вопрос. В данной главе мы бросим взгляд на другой негатив, на другие отходы, на те, которые я имел в виду, когда сказал, что полностью безотходное освоение природы невозможно.

«Другие отходы» существуют в двух видах. Их виды соответствуют двум видам материи — веществу и полю. При всём различии этих отходов у них есть общий признак — их абсолютная или весьма высокая неуязвимость. Что же это за отходы?

Слово «поле», наверное, вам подсказало, что один из этих видов представлен отходами-излучениями. Если так, вы не ошиблись, читатель.

В настоящее время самым серьёзным в плане экологической опасности является тепловое излучение. О нём известно экологами, о нём много говорят, в литературе оно помечено термином «тепловое загрязнение». Думаю, мы примем такое наименование.

Можно ли как-то препятствовать тепловому загрязнению? Попробуем разобраться в этом вопросе.

В тепловых отходах хорошо различимы две разновидности. Выделяемое «неорганическим телом» тепло может быть более или менее концентрированным и рассеянным. Займёмся сначала пер-

вой разновидностью. Она привязана к крупным стационарным объектам.

Концентрированное тепло, во-первых, можно использовать, например, для обогрева помещений или для каких-то, требующих повышенной температуры, технологических процессов. Правда, при этом тепло не исчезнет, но таким образом удастся сократить потребление энергии из первичных источников. Какой-то, но отнюдь не полный, экологический выигрыш общество получит.

Во-вторых, какую-то часть концентрированного тепла в принципе можно выводить за пределы обитаемой зоны, т.е., попросту говоря, выбрасывать. Сегодня обитаемой зоной является вся Земля. Понятно, что на современном этапе развития такая возможность выведения тепловых отходов лишь мыслима, но неосуществима на практике. Атмосфера планеты всё более нагревается (хотя пока доподлинно неизвестно, какой вклад в нагревание атмосферы вносит общество, а какой падает на естественные процессы).

В перспективе, надо полагать, выведение тепловых отходов станет реальностью, может быть, даже заурядной технологической процедурой. Правда, до поры до времени.

Когда на смену обществу придёт постобщественная организация логических субъектов, сфера приложения её активности будет неминуемо расширена за пределы Земли. Перед нашими преемниками — в иных, более широких пространственных рамках — встанет та же задача борьбы с концентрированными тепловыми отходами и, похоже, всё тот же способ её решения.

При этом, что весьма вероятно, «неорганическое тело» будет пространственно размежёвано с «логической органикой». Такое размежевание, разумеется, в ограниченном формате, уже апробировано докоммунистическим человечеством. Я имею в виду вынесение промышленных зон, будь то какие-то регионы или даже континенты, за пределы мест обитания.

На вопрос «как в постсоциальном сообществе будут обходиться с концентрированными тепловыми отходами?» мы можем дать лишь принципиальный, но, понятно, не доскональный ответ (на всякий случай, для подстраховки, я вставил в свой ответ слова «похоже» и «весьма вероятно»). Конечно, чтобы удовлетворить свой интерес, неплохо было бы заглянуть на «экологическую кухню» обогнавших нас в своём развитии логических субъектов.

Но как я уже заметил, контакт с ними, пока общество не сошло с исторической сцены, невозможен¹.

Ещё одной разновидностью тепловых отходов является рассеянное излучение. Эта разновидность привязана к некрупным и мобильным объектам (транспортным средствам, бытовым приборам, различным техническим приспособлениям...). Такое тепло надо признать неуловимым. Рассеивающееся тепло, и во всё возрастающем объёме, сопровождает на его историческом пути общество (и любую иную засоциальную вселенскую форму).

Можно ли противостоять рассеиванию тепла? В известном смысле, да, если противостоянием считать изоляцию субъектов от его воздействия. Только для этого нужен будет кондиционер, создающий приемлемые условия существования не в квартире или в ином небольшом объёме, а во всей зоне обитания. Где будет располагаться такая зона (такие зоны) и какова будет её (их) величина, решать, разумеется, не нам, а нашим преемникам.

Противостоять теплу можно и другим способом — приспособляясь к изменяющимся условиям. Успехи современной генетики позволяют считать этот способ в принципе реализуемым. Правда, изменения такого рода осуществимы лишь до определённого предела. Этим пределом служит температурный потолок, выше которого невозможно существование живого. Так что данный способ представляет собой всего лишь полумеру.

Немного отвлекаясь от темы отходов, должен заметить, что биологические изменения субъектов в логическом будущем будут играть, не побоюсь этого слова, выдающуюся роль. Расширение сферы освоения природы за пределы Земли и Солнечной системы потребует решительных «нетепловых» изменений биологического компонента будущего материального носителя (который к тому же должен быть ещё и дифференцирован в зависимости от специфики направлений экспансии в природу наших логических преемников).

Позволю себе ещё одно замечание. Многие футурологи полагают, что в будущем на смену разуму, существующему на биологическом основании, придёт некий искусственный интеллект на неорганической элементной базе. Считаю, в логическом будущем

¹ О логической форме организации материи и историческом месте этой формы во вселенском процессе я писал в двадцать третьей главе «Коммунистической революции».

такое не случится. Не случится хотя бы потому, что всякая принципиально новая форма бытия, и это подтверждается всей вселенской историей, не только отрицает предыдущую, старую, но и сохраняет, как говорят философы, в снятом виде основополагающие компоненты её субстрата. Так что будущие носители интеллекта в значительной мере сохраняют биологическое в своей телесной, в том числе и мозговой, организации.

Что касается интеллекта будущего, он никогда не будет искусственным. Интеллект, как и всё в нашем мире, развивается в конечном счёте объективным естественно-историческим порядком. Интеллект, появившийся благодаря хотению и воле субъекта-творца, и поэтому искусственный, фигурирует только в религиозных учениях.

Уделив внимание тепловым отходам (к отходам-излучениям надо отнести и иные, пока не столь угрожающие полевые выбросы), перейдём к вещественным, вернее, к тем из них, которые наподобие полевых имеют свойство рассеиваться в среде обитания человека.

Рассеиваться в воздухе, оседать на поверхности и проникать на какую-то глубину могут отходы в виде воздушной (газовой) взвеси, т.е. отходы, состоящие из микроскопических частиц. Не все такие — дисперсные — отходы являются трудноизвлекаемыми. Значительную часть дисперсных отходов можно, скажем так, экологизировать. Этой частью дисперсных отходов мы займёмся в следующей главе. Сейчас же нас интересуют отходы, которые относятся к категории «других», т.е. те, что делают полностью безотходное освоение природы невозможным. Приведу два примера таких отходов, наглядный и лишённый зрительного подтверждения.

Если вы окажетесь на старой железной дороге, то увидите, что её щебёночная насыпь окрашена в рыжий цвет. Это — ржавчина. Она покрывает не только насыпь, но и близлежащие придорожные полосы. Железные дороги окраплены сотнями тысяч тонн ржавчины. Каково её происхождение? Железнодорожная ржавчина представляет собой результат окисления железа, а рассеивающееся в ходе эксплуатации дорог железо теряют соприкасающиеся в движении части подвижного состава и рельсы. Дисперсное железо есть продукт стирания трущихся одна о другую стальных и (или) чугунных поверхностей.

Для того, чтобы сделать какой-то вывод из сказанного, мы должны перейти от частного (железной дороги) к общему («неорганическому телу», составной частью которого являются железные дороги). Каков же этот вывод? Он состоит в том, что «неорганическое тело» общества в процессе своего функционирования рассеивается. Сразу спешу заметить, что рассеивается, конечно же, не всё «неорганическое тело». Реально рассеиванию подвержены лишь какие-то его элементы.

Рассеиваемыми могут быть, во-первых, и более крупные, чем частички взвеси, объекты и, во-вторых, намного более токсичные и вредоносные в других смыслах, чем железо и ржавчина.

Может ли «неорганическое тело» функционировать не рассеивая частичек своей «плоти»? Нет. Частичное рассеивание «неорганического тела» есть функциональная необходимость, есть атрибут «жизнедеятельности» общества. Только «мёртвое», неподвижное «неорганическое тело», если абстрагироваться от средовой эрозии, застраховано от рассеивания.

Другой вопрос: можно ли извлекать (например, для дальнейшей переработки) рассеянное «неорганическим телом» и ставшее отходами его «жизнедеятельности» вещество? Можно. Однако это потребует таких затрат и обернётся такими экологическими потерями (новыми загрязнениями), что, думаю, наши преемники, как при коммунизме, так и далее, не станут этим, за исключением крайних случаев, заниматься.

Что же делать? Возможны ли какие-то шаги, способные смягчить положение? Да, для смягчения положения потребуется, во-первых, включение в комплекс освоения природы мер, по возможности приводящих к устранению токсичности рассеиваемого вещества, и, во-вторых, минимизация рассеивания (это относится и к тепловому загрязнению).

Но поскольку частичное рассеивание «неорганического тела» по сути дела неустранимо, насыщение обитаемой зоны рассеянным веществом, увеличиваясь, рано или поздно подойдёт к своему пределу (не будем забывать, что этот предел приближают докоммунистические накопления).

Опять возникает вопрос: что же делать? Точнее: что же тогда, видимо, в логической перспективе, будет предпринято? С позиций сегодняшнего дня видится тот же выход, что и для преодоления теплового загрязнения, а именно: пространственное разнесение оби-

таемой зоны и «неорганического тела» и, в дополнение к этому, модификация биологии субъектов будущего.

Таким образом, способы ухода от теплового (полевого) и дисперсно-вещественного загрязнения в принципе тождественны. К какому пределу, полевому или вещественному, цивилизация пойдёт раньше? Мне представляется, к полевому.

Второй пример, который я планировал привести, тоже связан с дорогой, только не железной, а шоссейной. Я имею в виду выбросы автомобилей, заражающие придорожную полосу высокотоксичными тяжёлыми металлами.

В чём различие фигурирующего в первом и втором примере дисперсного вещества? Вы скажете: во вредоносности для человека. Конечно. Но это не единственное их различие. Я хочу обратить ваше внимание на другое. Первый случай демонстрирует нам результат рассеивания «неорганического тела», во втором мы имеем самые настоящие отходы (которые, кстати, могут быть как более, так и менее токсичными).

Впрочем, в первом случае мы имеем тоже своего рода отходы — отходы функционирования (или «жизнедеятельности»), тогда как во втором — отходы как продукт неполного использования вещества. Так что теряемое (рассеиваемое) «телом» мы вполне можем назвать и отходами, скажем, отходами первого типа (а отходы неполного использования — отходами второго типа).

Как бороться с дисперсными отходами второго типа? В ответ на этот вопрос мне не придётся расписывать какие-то особые антиотходные меры. Меры борьбы с такими отходами ничем не отличаются от тех, что были только что (по отношению к рассеиваемому «телесному» веществу) названы.

Замечу ещё раз, что таково сегодняшнее видение проблемы «других отходов», как вещественных, так и полевых. Будущее наверняка рационализирует наши намётки. Нескромно скажу, что у меня есть некоторые гипотетические решения на этот счёт. Но, думаю, пока действительность не снабдила нас необходимыми для переработки гипотез в теорию данными, гипотезы лучше держать при себе.

Этим я, наверное, должен завершить главу, в которой, насколько было позволительно сегодня, мы вскрыли и насытили конкретикой содержание ранее брошенного утверждения «полностью безотходное освоение природы невозможно». Основные положения сделанного я выделяю в итогах.

1. Среди вещей и явлений, находящихся в фокусе нашего внимания, не последнее место занимают отходы. А каково их место не в исследовании, а в реальной действительности? В настоящей главе, быть может, с некоторым опозданием, это место было определено.

Отходы, как и всё прочее, не задействованное в позитивном функционировании общественной системы (например, выработанные месторождения и заброшенные объекты) представляют собой негативный компонент «неорганического тела» общества.

Видимо, можно сказать, что «неорганическое тело» эксплуататорского общества, раз уж мы употребляем слово «тело», на определённом этапе общественного развития поражается «болезнью перенасыщения отходами», приводящей к экологическому кризису, через преодоление которого (через революцию) происходит «оздоровление».

2. Во второй главе мною было замечено, что полностью безотходное освоение природы невозможно и что речь может идти только об относительной безотходности.

Это утверждение было раскрыто. Мы назвали те отходы («другие отходы»), которые не позволяют организовать абсолютно безотходное производство.

Теперь мы можем конкретизировать и закончить прерванную в самом начале главы фразу: избежать выделения полевых отходов и рассеивания вещества «неорганическим телом» невозможно, а улавливать и перерабатывать неконцентрированные дисперсные отходы технически и экономически неосостоятельно.

Такая оценка обусловлена сегодняшним видением вопроса. Можно предположить, и это — одна из гипотез, которую, на мой взгляд, допустимо озвучить, что в перспективе, в рамках комплексного освоения природы, будет предусмотрена и реализована безвредность и восприимчивость средой неконцентрированных дисперсных отходов.

Почему же тогда, если абсолютно безотходное освоение природы невозможно, я назвал коммунистическое освоение природы безотходным?

Потому что производство «других отходов» свойственно всем историческим типам освоения природы. Противопостав-

для коммунистическое освоение природы эксплуататорскому, следует не принимать в расчёт их общее, то, что присуще как одному, так и другому строю. При таком подходе, а он единственно верен, коммунистическое освоение природы действительно безотходно.

3. Обнаружив и описав «другие отходы», мы обозначили и мыслимые сегодня (применительно к «другим отходам») антиотходные мероприятия.

Таковыми являются, во-первых, минимизация «других выбросов» и, по возможности, их экологизация, во-вторых, пространственное разнесение зоны обитания и «неорганического тела» (точнее, его общественно-производственной части) и, в-третьих, изменения биологического порядка.

Можно предполагать, что в будущем, как коммунистическом, так и засоциальном, к борьбе с отходностью и отходами будут найдены новые подходы.

ГЛАВА VI

СТАНОВЛЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТИПА ОСВОЕНИЯ ПРИРОДЫ

Как вы помните, уважаемый читатель, мы определились с коммунистическим типом освоения природы. Во второй главе мы охарактеризовали его как комплексный. Тогда, при противопоставлении коммунистического типа освоения природы эксплуататорскому, оценка коммунистического типа и не могла быть иной. Сейчас, когда я завёл разговор о становлении коммунистического типа освоения природы, нам, наверное, следует более внимательно рассмотреть коммунистическую комплексность. Полная она или нет?

Что мыслится под коммунистическим комплексным освоением природы? Если на поставленный вопрос ответить без более или менее глубокого проникновения в суть проблемы, то, наверное, получится следующее: при комплексном освоении природы все подразделения общественного производства согласованы в своём действии, предвидимой целью и результатом чего является полное использование изъятых из природы и переработанной материи и отсутствие каких бы то ни было отходов.

Но мы знаем, что полное использование изъятых из природы и полная безотходность исключены. А ведь точно так же исключены, ибо при освоении природы общество обречено на столкновение с чем-то новым, неизвестным, и абсолютное (полное) предвидение, и, следовательно, полная согласованность в функционировании подразделений общественного производства. Значит, не только безотходность, но и комплексность коммунистического освоения природы не может быть полной. Нетрудно понять, что неполная коммунистическая комплексность, обусловленная невозможностью абсолютного предвидения и учёта, чревата выделением, дополнительно к рассмотренным, ещё каких-то

отходов (как и созданием дополнительных средств освобождения от них)¹.

Таков первый теоретический момент, связанный с освоением природы при коммунизме. Сейчас мы осилим второй, проясняющий «анатомию» коммунистической революции в освоении природы. А далее, после двух небольших замечаний, посмотрим, проявляют ли современные производительные силы какую-то, хотя бы минимальную, готовность к оформлению коммунистического — безотходного — производства. Для этого мы обратимся к практике хозяйствования. Может быть, в ней обнаружатся какие-либо зачатки будущего (коммунистического) типа и механизма освоения природы.

Набросав план главы, я перехожу ко второму теоретическому моменту.

В общественной жизни, если это не политика, появление нового, передового никогда не происходит мгновенно. Новое никогда не появляется в законченных, зримых формах. Новое вырастает.

Этот постулат в полной мере относится и к развитию комплексного коммунистического производства. Комплексность накапливается и складывается в течение всей коммунистической революции (в скобках, как и в четвёртой главе, замечу, что это накопление и сложение происходит в рамках всё более совершенствующейся и усиливающейся мировой системы коммунизма).

Можно ли охарактеризовать комплексность (и безотходность) в её развитии в ходе коммунистической революции? Думаю, да. Выделю четыре направления, по которым будет накапливаться и складываться новое — коммунистическая комплексность.

Во-первых, новым в его зачаточном виде может быть охвачен лишь не очень сложный, и только в масштабах отдельного предприятия (но не отрасли), технологический процесс. Далее комплексность будет распространяться как вглубь, так и вширь, чтобы к коммунизму превратиться в тотальное, мировое явление.

¹ В дальнейшем, ради облегчения текста и придания ему благозвучия, я позволю себе, говоря о коммунистической комплексности и безотходности в большинстве случаев опускать (в изложении, а не в мыслях!) слова «неполная», «относительная» и им подобные. Восполняйте упущенное, читатель.

Во-вторых, новое должно и может начать своё шествие к победе только с малого числа производственных единиц, чтобы к концу коммунистической революции всё освоение природы, всё производство стало безотходно функционирующим комплексом. На пороге коммунизма когда-то незначительное в количественном плане явление преобразуется в тотальный, мировой комплекс.

В-третьих, поначалу новое может быть представленным только в виде более или менее изолированных один от другого островков, из которых постепенно будут складываться «архипелаги» и «континенты». К финишу мы будем иметь тотальное, мировое явление.

В-четвёртых, наконец, если первые ростки нового должны характеризоваться даже не просто неполной комплексностью, а весьма неполной, то на подступах к коммунизму неполнота, убывая, достигнет своего низшего предела. Максимально возможная комплексность станет тотальным, мировым явлением.

Вы хотите сделать мне замечание, читатель? «Как же так, автор проморгал четырёхкратное(!) повторение одних и тех же слов». Нет, не проморгал, а поступился нормой русского изложения намеренно. Что я хотел этим показать?

Дело в том, что выбранные мною направления не изолированы во времени, а в содержательном и формальном плане представляют собой грани одного, единого процесса, процесса формирования нового типа взаимоотношений общества и природы, финалом которого (процесса), когда будет осуществлён коммунизм, станет, повторю в пятый раз, тотальный, мировой комплекс освоения природы и производства. Повтором слов я указал на единую цель и одновременность всех направлений.

Вы помните, в «Коммунистической революции» национальные коммунистические революции мы определили как частичные, как набирающие силу и сливающиеся струи единого мирового потока. Начатки комплексности и безотходности в их развитии также представляют собой струи, струи коммунистической революции в освоении природы, частичные революции в её составе. Это во-первых. Во-вторых, в частичных революциях, как в составе внутриобщественной коммунистической революции, так и в составе коммунистической революции в освоении природы, особая роль принадлежит субъективному фактору¹. В этом состоит единообра-

¹ См: «Коммунистическая революция», глава девятая.

зие внутрисоциальной и социально-природной коммунистической революции.

Но есть и различия. Одним из самых броских, пожалуй, является различие стартовых масштабов частичных революций в обществе и в освоении природы. Первые берут начало в национальных рамках, вторые — в рамках отдельных предприятий и технологических процессов. Правда, финишируют они одинаково и вместе — сливаясь при достижении коммунизма в единой мировой комплексно осваивающей природу общности.

Таким образом, устремлённая в будущее социально-природная коммунистическая революция (коммунистическая революция в освоении природы) начинается с малого. Иного пути просто нет.

Истоками коммунистической комплексности я назвал, во-первых, приуроченность её зачатков к несложным и немасштабным процессам, во-вторых, охват ими (зачатками) небольшого числа производственных единиц, в-третьих, в той или иной степени изоляцию зачатков друг от друга и, в-четвёртых, достаточно низкую закомплексованность первичных форм.

Малое ведёт к большому, к... Впрочем, не буду повторять пятикратно сказанное.

Сейчас нас интересует не большое, а малое, не финиш, а старт. Найдём ли мы, а искать надо в истории советского периода, зачатки комплексного освоения природы? Скажу сразу: найдём. Но прежде, чем познакомить вас с этими зачатками, отвлекусь на два замечания.

Первое касается времени, в которое в поисках зачатков комплексного типа мы перенесёмся. Это — конец 70-х — начало 80-х годов прошлого века. На мой взгляд, именно в это время наиболее активно, правда, не очень продуктивно, велись теоретические изыскания в области экологии, и, что сейчас для нас важно, некоторые разработки имели практическую направленность и внедрялись в производство.

Второе замечание относится к критике, которой я подверг (в четвёртой главе) левокоммунистическое хозяйствование. Не обеливаю ли я его указанием на зачатки в нём коммунистического типа освоения природы? Думаю, нет.

Левацкий социализм — всё-таки социализм. Огульно исключать из него определённый позитив было бы, с точки зрения теории, несостоятельно, а с точки зрения исследователя, нечестно.

Меня иногда спрашивают: каким соотношением негатива и позитива характеризуется наш извращённый социализм? Увольте меня от ответа на этот вопрос. Я не собираюсь уподобляться китайским «мудрецам», высчитавшим процент красного и чёрного в деяниях их некогда великого кормчего. Задача исследователя-обществоведа состоит не в проделывании арифметических подсчётов, а прежде всего в добросовестной и правдивой научной интерпретации действительности.

По поводу веса зачатков нового типа социально-природных отношений в СССР могу сказать, что был он невелик и никак не мог приукрасить нарисованную мной в четвёртой главе удручающую картину. Но факт остаётся фактом: такие зачатки имели место, и к их рассмотрению мы переходим.

В предыдущей главе я заметил, что значительная часть дисперсных отходов не относится к разряду трудноуловимых. На какие отходы я таким образом указал? На те, которые, во-первых, выделяются в достаточно большом количестве и, во-вторых, выделяются не подвижными, а стационарными объектами. Нетрудно заключить, что именно такие — концентрированные и локализованные — дисперсные отходы поддаются извлечению. Так мыслится.

Мыслимая возможность, не опирающаяся на практику, повисает в воздухе — мне не остаётся ничего другого, как показать практическую реализацию мыслимого. Я ограничусь всего одним примером.

Забегая вперёд, скажу, что после ознакомления с этим примером (как и с ему подобными) мы будем просто обязаны прийти к выводу, что зачатки комплексного освоения природы представляют собой не отнесённую в будущее утопию, а эффективно работающую реальность.

Но пример обяжет нас не только увидеть зачаток коммунистического освоения природы. Он поставит нас перед одной исключительной важности проблемой. Какой? Вскоре я её обозначу. Не будем ставить телегу впереди лошади. Сначала — пример.

Тепловые электростанции производят не только электроэнергию, но и огромное, исчисляемое десятками миллионов тонн, количество так называемой летучей золы. В СССР к концу 1970-х годов проблема загрязнения воздуха зольной взвесью, что называется, встала во весь рост. Что было предпринято? Прибегну к цитированию.

«Для очистки дымовых газов от золы разработаны высокоэффективные системы золоулавливания, в первую очередь электрофильтры, обеспечивающие степень очистки не менее 99 процентов. Куда же девать уловленную золу? В золоотвалы? Нет, они занимают огромные земельные угодья, служат источниками загрязнения почвы, воздушного и водного бассейнов. Разумнее как-то использовать золу — например, в земледелии, в строительстве.

На Эстонской и Прибалтийской ГРЭС ежегодно улавливается более двух миллионов тонн сланцевой золы. Она используется в колхозах и совхозах прибалтийских республик для известкования кислых почв.

А с Иркутской ТЭЦ № 1 (г. Ангарск) вся уловленная зола направляется на завод крупных шлакоблоков, где из лёгких зольных бетонов ежегодно изготавливается около 300 тысяч квадратных метров крупных стеновых панелей. Вес таких панелей по сравнению с кирпичными (видимо, с кирпичной кладкой — В.И.) уменьшается в 4–5 раз, а их себестоимость на 20–30 процентов ниже, чем у изготовленных из других материалов»¹.

Теперь — проблема. Вы увидели её, читатель? Если нет, подведите вас к ней.

Комплексное освоение природы не замыкается на производстве, а распространяется дальше... На что? На потребление произведённого. На потребление, ради которого и функционирует производство. Эти две стороны жизнедеятельности социума (производство и потребление) не могут быть разделены, не могут ни существовать, ни рассматриваться порознь. В определённом смысле они представляют собой единое целое. Следовательно, коммунистическое комплексное освоение природы есть комплексное безотходное производство-потребление.

Мы приблизились к пониманию проблемы. Сделаем следующий шаг.

Для того, чтобы в будущем, если можно так выразиться, закомплексовать как производство, так и потребление, для того, чтобы контролировать в коммунистическом, безотходном духе всю цепочку от изъятия вещества из природы и его переработки до использования произведённого и исчерпания им своего ресурса

¹ И. Л. Тарнавский. Золу — на поля и стройки. — «Наука и жизнь», 1983, № 1, стр. 77 (в этом же номере журнала вы найдёте и другие касающиеся извлечения и использования отходов материалы).

(т.е., так сказать, до отходов второй очереди), для того, чтобы принцип безотходности соблюдался на всех этапах процесса производства-потребления, нужен в идеале безотказно и филигранно действующий инструмент. Инструмент предвидения и постоянной корректировки всего процесса.

Есть ли такой инструмент? Может быть, это — наука? Нет, такая наука, какую мы знаем, т.е. многоотраслевая и достаточно разобшённая в своих подразделениях-отраслях, не в силах решить столь сложную задачу. Для комплексного освоения природы (для осуществления комплексного безотходного производства-потребления) нужна другая, комплексная же наука, а, возможно, и не наука, а нечто вырастающее из науки (из наук) и одновременно отрицающее её.

Проблема состоит в том, что этого «нечто» нет, пока нет. Но мы знаем, что новое не может сразу появиться в законченном виде. Значит, у нас есть шанс поискать и найти зачатки этого «нечто» в нашем времени¹.

До сих пор мы занимались практической стороной дела, коим является коммунистическое освоение природы. Сейчас мы стоим перед необходимостью заняться противоположностью практики будущего, тем, что я обозначил словом «нечто», тем, что является продолжением и отрицанием науки. К этой работе мы приступим в следующей главе. Возможно, нам придётся внести коррективы и в понимание практики будущего, как и в понимание взаимодействия двух сторон (теоретической и практической) человеческой деятельности. На такие вещи современная экологическая мысль даже не замахивается. А ведь серьёзно заниматься экологией и при этом игнорировать только что обозначенную проблематику невозможно.

Однако вернёмся на антиотходную стезю.

В третьей главе мы бросили взгляд на, так сказать, крупногабаритные (в сравнении с дисперсными) отходы. Сегодня такие отходы в большинстве своём поглощаются свалками и кладбищами отслужившей свой век техники. Сюда же, наверное, можно отнести и различные промышленные отвалы (породу, выработанную при добыче полезных ископаемых, заводские шлаки и т.д.).

¹ Проблему можно было обозначить, взяв в зачёт только производство, но, как мне представляется, при рассмотрении связи «производство-потребление» проблема заявляет о себе намного громче.

Отличаются ли крупногабаритные отходы от дисперсных в плане их включения в безотходно функционирующий комплекс? В принципе, нет. Поэтому нам нет нужды повторяться и приводить какие-то примеры. При желании и в этом отходном сегменте мы обнаружим островки будущего комплексного освоения природы. Замечу только, что в будущем предстоит большая работа по рекультивации мусорных накоплений (и, видимо, в меньших масштабах, — по изъятию и переработке вредоносных рассеивающих ся отходов).

Таким образом, в этой главе и ранее, мы назвали все виды и разновидности отходов и остановили своё внимание на возможности (или невозможности) их экологизации. Мы обговорили вроде бы все пути экологизации.

Значит, чтобы картина становления коммунистического типа освоения природы была дописана, нам следует, поставив в настоящей главе точку, заняться теоретической стороной освоения природы? Нет, мы должны ненадолго задержаться в этой главе. Вы заметили, читатель, что в предыдущем абзаце я употребил выражение «вроде бы все пути экологизации»? Почему «вроде бы»? Из осторожности, на всякий случай? Нет, хотя, может быть, я что-то и пропустил.

Дело в том, что мы уделили внимание лишь одной антиотходной стратегии и «обидели» невниманием другую (между прочим, во второй главе я указал на эту, другую стратегию). Да, существуют две стратегии освобождения «неорганического тела» общества от отходов. Освободиться от отходов можно не только вышеописанным способом (посредством организации комплексного производства-потребления), но и путём придания отходам «природной формы». Впрочем, вторая стратегия, при всём своём отличии от первой, также входит в комплекс освоения обществом природы.

Вторая стратегия, в отличие от первой, не вышла на уровень хозяйствования. Но эксперименты обнадёживают. Покажу это на примере эксперимента, поставленного ещё в конце 1970-х годов энтузиастами «Запорожской общественной лаборатории охраны природы». Нагружу вас, читатель, ещё одной цитатой.

«В основу эксперимента были положены следующие соображения. В Запорожье большое число заводов и фабрик. На них образуются самые разнообразные отходы. Здесь и доменные

шлаки, и кислоты, и щёлочи, и железная окалина, и многое-многое другое. На подавляющем большинстве предприятий был проанализирован состав отходов. Выяснилось, что промышленные предприятия города должны освобождаться от 66 агрессивных веществ.

Идея заключалась в том, чтобы этим веществам придать такую форму, в которой природа признала бы их «своими».

Для проверки идеи собрали образцы всех отходов и в небольшой камере (реакторе) смешали их в пропорциях, соответствующих соотношению выделяющихся веществ в масштабах города.

Естественно, в реакторе немедленно начался самопроизвольный процесс взаимной нейтрализации отходов. Кислоты реагировали со щелочами, шли процессы растворения и выпадения осадков — словом, происходило некое подобие геохимических процессов.

Когда система пришла в равновесное состояние, проанализировали состав получившихся веществ. Образовавшаяся газообразная среда по составу оказалась близкой к воздуху. Жидкая часть продуктов напоминала морскую воду, а осадок походил на глину. Словом, получалась некоторая более или менее нейтральная неорганическая масса»¹.

Несмотря на некоторую некорректность эксперимента, его результат (аналогичные результаты показали и другие подобные опыты) свидетельствует о возможности подавления отходов посредством их приведения к «природной форме». А обе стратегии вместе позволяют смотреть на коммунистическое безотходное освоение природы как на вполне реальное явление. Только бы не подвела теоретическая составляющая общественного труда. Об этом мы узнаем в следующих двух, заключительных главах.

Вот сейчас, поставив в главе точку, можно заняться подведением итогов.

1. Если ранее мы выяснили, что при коммунизме освоение природы не может быть абсолютно безотходным, то в этой главе данный вывод был расширен на коммунистическую комплексность.

¹ Замкнуть разорванные циклы. — «Наука и жизнь», 1978, № 7, стр. 19.

Теперь мы знаем, что при коммунизме освоение природы не может быть ни полностью безотходным, ни полностью комплексным, и добавим, ни полностью, из-за невозможности предвидеть всё и вся, упорядоченным.

При этом, противопоставляя коммунистический тип освоения природы эксплуататорскому, мы должны без всяких оговорок считать освоение природы при коммунизме упорядоченным, комплексным и безотходным.

2. Комплексность коммунистического типа освоения природы, как я выразился, накапливается и складывается по четырём основным направлениям.

Почему, характеризуя становление коммунистического типа освоения природы, я использовал два слова («накопление» и «сложение»), а не какое-нибудь одно? Потому что слово «накопление», на мой взгляд, больше подходит для описания содержательной стороны процесса, а «сложение» — для описания формальной.

Почему в состоящей из четырёх пунктов характеристике становления коммунистического типа освоения природы я «смешал» содержательное и формальное, накопление и сложение? Потому что содержание и форма неразделимы. Разнести их можно только в исследовании. Вернувшись к четвёрке направлений, вы можете этим заняться, читатель.

3. По своей «анатомии» коммунистическая революция в освоении природы принципиально не отличается от коммунистической революции в обществе.

Обе они как развивающиеся мировые потоки состоят из развивающихся же и сливающихся струй — частичных революций.

4. В решении проблемы отходов мы обнаружили две стратегии.

Содержанием одной антиотходной стратегии является организация комплексного производства-потребления, другой — придание отходам «природной формы». Впрочем, вторая стратегия не стоит особняком от первой, она может рассматриваться в качестве подразделения в составе комплексного освоения природы.

Обе стратегии апробированы, правда, вторая — пока на уровне эксперимента.

5. До сих пор мы занимались практической стороной коммунистического освоения природы.

Но, поскольку практиковать что-либо существенное без предвидения и осмысления невозможно, мы должны заняться и теоретическим инструментарием, необходимым для организации коммунистических социально-природных отношений.

В настоящей главе была сделана заявка на анализ человеческой трудовой деятельности, в которой теоретическое (умственное) и практическое являют собой нерасторжимое единство.

ГЛАВА VII

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ТРУДА

Предметом нашего внимания является освоение обществом природы. Посредством чего общество осваивает природу, что служит связующим общество и природу звеном? На этот вопрос мы ответили в самом начале работы. Средством освоения природы и связующим общество и природу звеном является труд. Сейчас пришло время этим средством освоения природы заняться.

Человеческий труд, в отличие от «труда» животного, инстинктивного, представляет собой целенаправленное действие. Что значит целенаправленное?

При таком действии субъектом или группой субъектов очерчивается некая идеальная (мыслимая) «пунктирная» линия, ведущая к цели, и на основе замысла (желания, порыва...) осуществляется продвижение по этой линии. Если мысль (целеполагание) не оторвана от реалий, она с приложением определённых усилий более или менее успешно претворяется в практику, как говорят философы, опредмечивается. В человеческом труде связаны постановка цели и её (цели) реализация, идеальное и реальное, мыслительный компонент и практический.

Такова в самом сжатом виде характеристика человеческого — целенаправленного — труда.

Обратите внимание, уважаемый читатель, на завершающие (после запятой) слова данной мною характеристики. Может быть, мыслительный компонент труда, разумеется, без ущерба для вкладываемого в это выражение смысла, мы назовём как-либо иначе?

Почему я ставлю этот вопрос? Дело в том, что я знаю, каким путём пойдут наши дальнейшие рассуждения, и знаю, что выражение «мыслительный компонент» окажется в применении не самым удобным. Какие у вас предложения? Если не мыслительный, то какой? Сознательный, планирующий (плановый), замышляющий (от слова «замысел»), полагающий, провидческий, теоретический, научный? Как видите, выбор есть.

Я предлагаю взять на вооружение два последних слова и мыслительный компонент называть теоретическим или научным. Правда, эти слова, скажу, забегая вперёд, потребуют определённой, так сказать, исторической трансформации. В дальнейшем, и неважно в каком виде, «первозданном» или трансформированном, такие названия более или менее гладко лягут на канву изложения.

Впрочем, в защиту этих слов я кое-что могу сказать и сейчас. До сих пор мы занимались практической стороной освоения природы. А что противоположно и неотделимо от человеческой практики? Мысль, планирование, целеполагание? Да, конечно. Но для нашей работы теория и наука, как явления и как слова, всё-таки предпочтительнее. И не только для нашей. Наверное, недаром именно эти слова узаконены в идиомах «теория и практика» и «наука и практика». Не «мысль (или что-либо иное) и практика», а «теория и практика» и «наука и практика».

Вы удивлены, читатель? Почему автор, и не только сейчас, столько внимания уделяет словам? По одной очень простой причине. Сущность точно названного явления или вещи выявляется намного правдивее, чем при словесной небрежности. «Словам ведь соответствуют понятия». Переверну гётевское утверждение: понятия выражаются словами.

Вернёмся к характеристике человеческого труда. На мой взгляд, эта характеристика требует пары дополнений-замечаний. Одно будет ответом на ваш вопрос (вы ведь хотите спросить, почему я «вычертил» «пунктирную» линию?), другое — моим уточнением сказанного.

Касательно вашего вопроса должен сказать, что человек за редким исключением абсолютно чётко видит дорогу, ведущую к цели (я говорю о значительных целях, а не о простых и бытовых, как правило, не требующих для своего осуществления каких бы то ни было раздумий и часто достигающихся, что называется, на автомате). Действительность обычно заставляет целеполагающего субъекта «расчищать» дорогу к цели и для этого включать свой мыслительный аппарат. На пути, ведущем к главной цели, приходится ставить цели вспомогательные и их опредмечивать. Вследствие этого спроектированный «пунктир» превращается, за спиной субъекта, в реально прочерченную непрерывную «линию». Целеполагание практически всегда «пунктирно», его практическая реализация всегда представляет собой непрерывную «линию».

Это замечание не ахти как важно для нашей работы. Им я всего лишь пригладил кажущуюся шероховатость. Куда важнее моё уточнение. В чём оно состоит?

Моя характеристика адаптирована не ко всей истории человечества, а к определённому времени. А это время таково, что, во-первых, разделяет в деятельности человека теоретическое и практическое и, во-вторых, теоретическое в отдельном трудовом акте делает причиной, а практическое — следствием. В конечном же счёте и в общественных масштабах дело, конечно, обстоит наоборот. На уровне общества практика, бытие порождает и будит теорию, заставляет её опредмечиваться.

Однако мы не будем углубляться в философию. Нам вполне достаточно констатации разрыва теоретического и практического в определённых исторических условиях, на определённом этапе общественного развития. О каком этапе идёт речь? Думаю, понятно, что об эксплуататорском периоде человеческой истории.

На эксплуататорском отрезке истории труд в обществе разделён. Разделение общественного труда — азы материалистического понимания истории, азы марксизма. Но в то же время это и своего рода клише. Мы, и это необходимо для осуществления наших целей, незаметно вышли за рамки этого клише, вышли, классифицировав общественный труд, размежевав его на два взаимосвязанных подразделения-класса, на теоретический (научный) и практический.

Это размежевание (и противопоставление) несколько не отменяет разделение внутри как того, так и другого подразделения. Разделение внутри теоретического подразделения выражается в сосуществовании самостоятельных наук, внутри практического — в сосуществовании самостоятельных практик.

Может быть, вы, читатель, привыкли к другой паре, к другому противопоставлению. Я имею в виду связку «умственный и физический труд». Должен сказать, несмотря на приверженность этой связке классиков, что она не отражает истинного положения вещей. Здесь форма, в которой часто (особенно до XX века) выступает практический труд, подменяет его содержание. Если мы попытаемся подправить укоренившуюся формулу, у нас должно получиться: «умственный (теоретический, научный) и практический (но не физический!) труд». Но это, как говорится, к слову.

Продолжим нашу линию.

Пока мы констатировали, что обществу собственнических отношений присуще разделение общественного труда. В сущности, собственнические общественные отношения являются порождением разделения труда. Маркс и Энгельс писали, что «разделение труда и частная собственность, это — тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности»¹. На мой взгляд, очень глубокая мысль. Чтобы прочувствовать её глубину, предлагаю вам выражения «разделение труда» и «частная собственность» заменить, соответственно, на «частный труд» и «разделённая собственность». Прочувствовали глубину?

Мы вышли за рамки клише и размежевали общественный труд на то, с чем нам придётся работать дальше, на теоретический, научный, умственный и практический. Мы заметили, что каждое из противоположных подразделений-классов внутренне разделено. Иначе говоря, своим генеральным членением (на теоретический и практический труд) мы совершенно не перечеркнули разделение общественного труда как таковое.

Всё ли из заслуживающего внимание мы отметили? Нет, чтобы картина общественного труда эксплуататорского периода человеческой истории была дополнена, необходимо рассмотреть ещё два момента.

Первый касается отдельно взятого члена общества.

Чем для человека оборачивается разделение труда в обществе? Привязкой к одному из видов деятельности, фиксацией его деятельности, принадлежностью к какой-то одной профессии. История классовых формаций это безоговорочно подтверждает.

Причём, привязка к виду деятельности характерна не только для эксплуатируемых. В равной степени она поработощает и эксплуататоров. Энгельс писал: «И не одни только рабочие, но и классы, прямо или косвенно эксплуатирующие их, также оказываются, вследствие разделения труда, рабами орудий своей деятельности: духовно опустошённый буржуа поработщён своим собственным капиталом и своей собственной страстью к прибыли; юрист поработщён своими окостенелыми правовыми воззрениями, которые как некая самостоятельная сила владеют им; «образованные классы» вообще

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, стр. 31

порабощены разнообразными формами местной ограниченности и односторонности, своей собственной физической и духовной близорукостью, своей изуродованностью воспитанием, выкроенным по мерке одной определённой специальности, своей прикованностью на всю жизнь к этой самой специальности — даже и тогда, когда этой специальностью является просто ничегонеделание»¹.

Второй момент — исторический.

Эксплуататорский строй, как и любой другой, представляет собой развивающееся явление. Понятно, что и свойственное этому строю разделение труда претерпевает в процессе его (строя) развития определённые изменения. Главное из них состоит в том, что до определённого момента (моментом я называю историческую полосу) разделение труда вообще и разрыв между наукой и практикой в частности нарастают, чтобы затем повернуть вспять, пойти на убыль. Пик расхождения двух ветвей общественного труда падает на время феодальной раздробленности (в «Коммунистической революции» это время было определено как содержательная середина истории). Так, теоретическое подразделение на пике расхождения вырождается в бессвязную внутри себя и изолированную от практики схоластику, а практика теплится в изолированных один от другого и лишённых теоретической подпитки цехах.

Несколько слов скажу об убыли разделения труда.

Вы, наверное, помните, читатель, что в «Коммунистической революции» капитализм был определён как относительный выравниватель человечества, как строй, в меру своих ограниченных возможностей подготавливающий «мировую почву» для будущего всечеловеческого коммунизма. Неудивительно, что капитализм, опять же в меру своих ограниченных возможностей, готовит для коммунизма и «трудовую почву», готовит её свойственными ему переливами рабочей силы, которые обратной своей стороной имеют подрыв фиксации труда, подрыв привязки работника к определённому виду деятельности.

Здесь, проделав треть намеченной для этой главы работы, которая состоит в выявлении исторических типов труда, мы можем передохнуть и подвести промежуточный итог. Что уже сделано? Отмечу самое важное для нас.

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 303–304.

Во-первых, мы определили, что эксплуататорскому строю свойственен такой общественный труд, при котором, если абстрагироваться от его (труда) исторической эволюции, имеет место решительное размежевание двух деятельных подразделений (теоретического, научного и практического), как и разделение внутри каждого подразделения. Маркс и Энгельс такое — эксплуататорское — разделение труда назвали действительным¹. Я выразил это словами «решительное размежевание».

Во-вторых, мы выяснили, что на уровне отдельного члена эксплуататорского общества действительное разделение труда обобщается привязкой человека к определённой специальности, фиксацией его деятельности (включая и бездеятельность).

Выделю экстраважное для нас: спецификой эксплуататорского типа общественного труда является его (труда) разделение на теоретическую и практическую деятельность, самостоятельное существование наук и практик.

Зададимся теперь вопросом: если есть действительное разделение труда, то, надо полагать, существует и какое-то иное, недействительное разделение? Раз вопрос встал, поищем на него ответ.

Человеческий труд на протяжении всей истории является общественно разделённым (подчеркну, разделённым общественно; я не говорю о разделении труда, обусловленном биологическими — половыми и возрастными — различиями людей).

В самом начале истории, когда человек только-только выходит из животного состояния, общественное разделение труда лишь едва просматривается. По мере развития общества оно нарастает. Но не настолько, чтобы на первобытном отрезке истории сделаться действительным. Противопоставляя первобытность эксплуатации, мы должны, подчёркиваю, должны, считать, что атрибутом первобытного типа труда является не разделение деятельности на теоретическую и практическую, а, напротив, их взаимопроникновение и соединение.

Как назвать эту спайку? Как именовать первобытную трудовую деятельность? Приходится констатировать, что словесный ярлык для обозначения этого «научно-практического» феномена древности не выработан. Явление есть, а названия нет. Может быть, потому, что понимание этого феномена, скажем так, страдает недоработанностью?

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. *Немецкая идеология*. Соч., т. 3, стр. 30.

Нам, уважаемый читатель, вроде бы легче. Понимая специфику первобытной трудовой деятельности, мы, казалось бы, легко сможем подобрать подходящее для именования первобытного деятельного феномена слово. Но не тут-то было. Лаконичное (и одновременно ёмкое) словесное обозначение не приходит в голову (а, может быть, таковое и не найдётся в языке?). Придётся довольствоваться тяжеловесной и достаточно корявой конструкцией: спецификой первобытного типа общественного труда является взаимопроникновение и соединение в нём (труде) предтеоретической и предпрактической деятельности, слитное существование преднауки и предпрактики¹. Иначе и короче: для первобытного периода истории характерна преднаука/предпрактика как трудовая общественная деятельность.

Подтверждаются ли наши представления о первобытном труде наблюдениями? Подтверждаются. В труде оставших в своём развитии народов, несмотря на то, что первобытность осталась в прошлом, всё ещё, и довольно явственно, проступают рудименты господствовавшей когда-то преднауки/предпрактики.

На данном рубеже нашу копилку экстраважного мы можем пополнить следующим положением: спецификой первобытного типа общественного труда является взаимопроникновение и соединение в нём преднауки и предпрактики. И добавлю то, что нам, занимающимся исследованием коммунистической революции в освоении природы, крайне необходимо: преднаучный/предпрактический первобытный труд представляет собой непротиворечивый деятельный комплекс (подчеркните слово «комплекс», читатель).

Представления о первобытном труде позволяют нам дать оценку труда коммунистического будущего. Это не составит для нас затруднений, ибо мы знаем, что история симметрична и её крайние члены (первобытный коммунизм и собственно коммунизм) в принципе, в своих основных, сущностных характеристиках, подобны².

¹ Термин «преднаука» я позаимствовал у известного советского учёного Г. Н. Волкова (см., например, его работу «Истоки и горизонты прогресса», М., 1976). Но поскольку и слитая с преднаукой её противоположность разительно отличается от практики эксплуататорского периода, я снабдил обозначающее эту противоположность слово соответствующей приставкой. Получилось «предпрактика».

² Симметрии истории посвящена пятая глава «Коммунистической революции».

Следовательно, и грядущему коммунизму присущ тот тип общественного труда, о котором мы только что говорили.

Вы спросите, уважаемый читатель: почему автор столь безапелляционно об этом заявляет? Да, я совершенно определённо знаю, что коммунистический труд явится противоположностью эксплуататорского, в котором две ветви, теоретическая (научная) и практическая, разделены действительным образом. Мою уверенность питает не только имеющая силу закона симметрия истории (хотя этого уже вполне достаточно). Другой опорой служит действительность. Дело в том, что процесс революционной смены эксплуататорского типа труда его противоположностью уже пошёл. И мы, мой читатель, являемся непосредственными участниками этой грандиозной подвижки. О каком «революционном участии» я говорю? Ответ на этот вопрос мы перенесём в следующую главу.

Если в сущностном плане первобытный и будущий коммунизм подобны, то формальных различий между ними мы найдём немало. Остановлю ваше внимание на связанных с трудом как сходстве, так и различии.

Как уже было отмечено, общественный труд на всём протяжении человеческой истории является разделённым. Коммунизм в этом плане не представляет собой исключение. Но характеризуя коммунистический труд будущего в противопоставлении эксплуататорскому, разделением мы должны пренебречь. В этом пункте в оценке общественного труда далёкого прошлого и будущего нет различия.

Различие мы найдём в исторической эволюции «недействительного» разделения труда. Если в ходе развития первобытного коммунистического общества «недействительное» разделение труда увеличивается, то в условиях будущего коммунизма — постепенно падает и изживается.

Для нашей работы последняя идея, вообще-то говоря, не имеет значения. Сейчас она для нас имеет какой-то вес лишь в плане удовлетворения познавательного интереса. Однако при исследовании постсоциальной формы организации материи без неё вряд ли можно будет обойтись. Впрочем, это — тема совсем другой работы.

С будущим типом общественного труда, думаю, всё более или менее ясно. Его специфику остаётся только выразить строгой и лаконичной формулой. Попробуем, и для этого воспользуемся «трафаретом» — формулой, в которой фигурирует первобытно-коммунистический труд.

Итак, спецификой коммунистического типа общественного труда является взаимопроникновение и соединение в нём...

Здесь мы споткнулись. На чём? Опять на недостатке слов. У нас есть понимание, но нет словесного обозначения понимаемого. Что ж, займёмся словотворчеством. Предлагаю за будущим закрепить такие термины, как «постнаука» и «постпрактика».

Тогда оборвавшаяся формула приобретёт законченный вид: спецификой коммунистического типа общественного труда является взаимопроникновение и соединение в нём постнауки и постпрактики. И здесь я также добавлю: постнаучный/постпрактический коммунистический труд, будучи аналогом первобытно-коммунистического, представляет собой непротиворечивый деятельный комплекс.

Таким образом, нами определены и, насколько это было необходимо, рассмотрены и описаны три исторических типа общественного труда. Для закрепления выясненного переведем его в графику. На рисунке я хронологически совмещу схему занимающей нас в этой главе «трудовой грани» истории человечества с общей, генеральной схемой развития общества (рис. 2)¹.

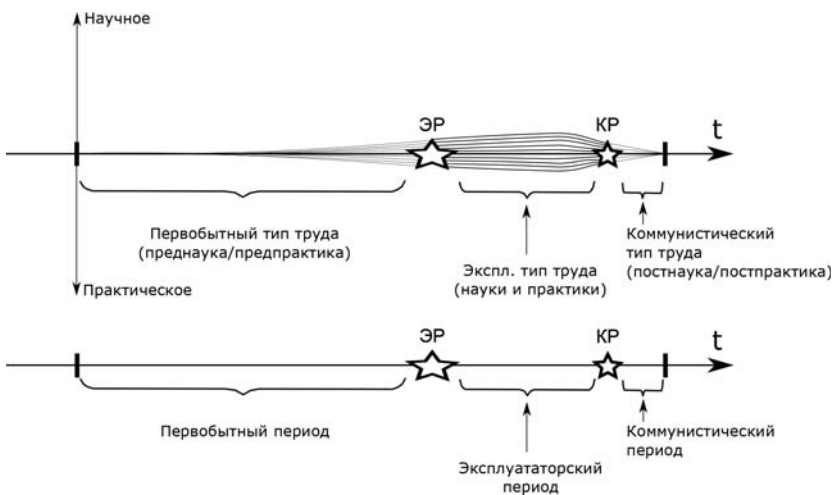

Рис. 2

¹ Имейте в виду, уважаемый читатель, что на рисунке длительность первобытного периода я существенно урезал, чтобы два других периода не выглядели мизерными, а подписи к ним не были нечитаемыми.

И в заключение, то главное, ради чего мы занимались историческими типами общественного труда. В итогах, к которым мы переходим, я должен поставить нашу главную, самую ценную находку на первое место. Чтобы дать вам, читатель, возможность распознать и оценить эту находку, я старался не выпячивать её в тексте. Интересно, что вы сочли самым важным...

1. В предыдущей главе был поставлен вопрос об инструменте осуществления процесса освоения природы при коммунизме. Науку в этом качестве мы отвергли. Но устремив взгляд в будущее, мы увидели такой инструмент, инструмент, представляющий собой взаимопроникновение и соединение постнауки и постпрактики, инструмент, являющийся собой коммунистический, комплексный труд.

Комплексный труд, а труд — средство освоения природы, и комплексное её освоение! Что может быть больше?!

Пазл коммунистической революции в освоении природы почти сложился. Важнейший фрагмент пазла нашёл своё место. Но одно место всё ещё остаётся пустым. Мы его закроем в следующей, последней главе.

Сделав акцент на главном, я, может быть, несколько отодвинул другие наши находки. Не отметить их было бы несправедливо.

2. Наша главная находка не появилась на пустом месте. Её оформление стало возможным только на основе исторической типизации связующего общество и природу звена, на основе типизации общественного труда.

Труд как атрибут социального переживает в своём историческом движении три закономерно вписывающихся в периодизацию общественного развития периода. Каждому «трудовому» периоду соответствует свой тип взаимодействия научного, теоретического и практического в деятельности людей.

Здесь, в итогах, я воздержусь от повторения характеристик этих исторических типов. Думаю, в тексте главы словесные формулы, характеризующие исторические типы труда, выведены достаточно чётко.

3. Сказанное во втором пункте итогов касается труда на уровне общества. На уровне отдельно взятого члена общества труд подчиняется той же исторической разбивке, что и общественный. Но реализуется по-другому.

Мы описали индивидуальный труд эксплуататорского типа. В условиях эксплуатации, при труде, разделённом в обществе, человек оказывается привязанным к определённой, конкретной специальности, а его труд становится фиксированным.

Что касается коммунистического индивидуального труда, я его не охарактеризовал в тексте. Восполним пробел в итогах.

При коммунизме, как первобытном, так и будущем, индивидуальный труд становится разносторонним (мне представляется, что это слово лучше, чем «переменный»), а человек — универсальным тружеником.

ГЛАВА VIII

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В нашем мире всё смертно. Любое явление (любая вещь) имеет начало и конец. Таков закон вселенского бытия.

Если явление, образно говоря, насажено на стрелу прогресса, его схождение с исторической сцены всегда оказывается преобразованием, переходом в иное, более высокое качественное состояние.

В этой главе предметом нашего внимания является переход в иное качество человеческой трудовой деятельности, смена разделённого и поляризованного (на теоретический, научный и практический) общественного труда трудом соединённым, комплексным. Другими словами, нам предстоит заниматься становлением коммунистического типа труда, который (труд), как мы знаем, служит средством освоения природы. Думаю, понятно, что историческим местом перехода труда в качественно иное состояние является коммунистическая революция.

Является ли этот переход революцией в составе коммунистического переустройства мира, а если да, в чём состоит специфика, а она имеется, такой — «трудовой» — революции?

На первую часть этого вопроса, вообще-то говоря, я уже ответил, ответил утвердительно, ещё не начав главу, ответил её заголовком. Надеюсь, ознакомившись с моей аргументацией, вы не станете возражать против такой, пока голословной, квалификации перехода труда в более высокое качество.

Что касается специфики революции, содержанием которой является радикальное преобразование человеческого труда, сейчас мы ею (спецификой) займёмся. Но прежде я опять привлеку ваше внимание, читатель, к названию главы. Вы понимаете, что название не соответствует заявке на рассмотрение современной «трудовой революции»?

Мы знаем, что революции следует именовать по названию утверждаемого ими порядка, в нашем случае — по названию свой-

ственного коммунизму типа общественного труда. Этот тип, если кратко, мы назвали постнаукой/постпрактикой. Следовательно, интересующую нас революцию мы должны называть постнаучно-постпрактической. Что же касается научно-практической революции, то таковая принадлежит эксплуататорской революции, лежащей на стыке первобытного и эксплуататорского периода человеческой истории¹.

Почему современной «трудовой революции» я присвоил чужое имя? Конечно, не без причины.

Взяв в руки книгу, человек оценивает её, так сказать, на пригодность для чтения. Потенциальный читатель (или нечитатель) знакомится с аннотациями, листает книгу, выхватывает какие-то отрывки и обязательно (может быть, я сужу по себе) уделяет внимание оглавлению. А там — «постнаучно-постпрактическая революция»! Меня подобная абракадабра заставила бы отказаться от чтения. Я считаю, лучше назвать неправильно (и более или менее благозвучно), чем отвратить читателя.

Так что, давайте договоримся, что у нас под шапкой «научно-практическая революция» фигурирует современная революция в трудовой деятельности, а не её древний аналог (и, в плане развития, антипод). Словом «современная» (в заголовке), надеюсь, я в какой-то степени подправил название.

Теперь — о специфике современной научно-практической революции.

Мы исследовали две революции — коммунистическую в обществе и коммунистическую в освоении обществом природы. Обе они представляют собой коренной переворот в порождаемых производительными силами отношениях. Первая — в отношениях между людьми, вторая — в отношениях людей и природы.

В обеих этих революциях интересы людей оказываются затронутыми и задействованными непосредственно. Так же дела обстоят и в других пережитых человечеством революционных переломах, как внутрисоциальных, так и социально-природных.

Научно-практическая революция тоже является коренным переворотом в порождаемых производительными силами отношениях. Но в отношениях не людей, а видов деятельности. В этом

¹ О присвоении имени революции речь шла во второй главе «Коммунистической революции».

состоит отличие научно-практической революции от внутрисоциальных и социально-природных революций.

Но отличие состоит не только в этом. Если устаревшие внутрисоциальные и социально-природные отношения непосредственно и весьма болезненно бьют по людям, то устаревающие «обезлюдненные» внутритрудовые отношения воспринимаются людьми как нейтральная (не положительная и не отрицательная) данность, не представляющая для человека непосредственной и даже вообще какой-либо угрозы.

Данная особенность внутритрудовых отношений обуславливает специфику научно-практической революции, специфику её протекания, специфику реализации.

Научно-практическая революция не имеет того накала, какой свойственен социальной и, может быть, в меньшей степени, социально-природной революции. Этой революции не присуща та борьба, которая характеризует революции, ломающие старые внутрисоциальные и социально-природные отношения. Научно-практическая революция осуществляется в мягких формах, тем более, что она достаточно плавно движется за развивающимися производительными силами.

Последнее обстоятельство делает возможным и даже неизбежным развитие научно-практической революции в условиях негативной «половинки» коммунистической революции, в условиях отживающего свой век капитализма. Разумеется, развитие научно-практической революции при капитализме, и это в конечном счёте обусловлено его собственнической природой, не может быть всеохватывающим, предельно глубоким, организуемым (государством).

Здесь я ожидаю от вас, читатель, вопроса: так, может быть, после всего сказанного структурные изменения трудовой деятельности, совпадающие с коммунистической социальной революцией, и не следует называть (и считать!) революцией?

Следует. Я уже высказал своё мнение на этот счёт. Приведу два аргумента в его (мнения) защиту.

Научно-практическая метаморфоза представляет собой революцию по негласно существующему в марксизме определению. Согласно этому определению революции ни в коем случае, и это демонстрирует действительность, не происходят в производительных силах (как и в средствах и предмете труда). А раз так, для рево-

люций остаётся только одно «место», — разного рода отношения, ибо других «мест» в экономической сфере просто нет.

Вы считаете этот аргумент слабым? Тогда приведу, возможно, более сильный.

По истечении коммунистической революции дореволюционные внутритрудовые отношения преобразуются в свою противоположность (именно такое преобразование характеризует переход к новому качеству, революции). Чего не скажешь о производительных силах (средствах и предметах труда). В самом деле, что такое «превращение производительных сил в свою противоположность»? Такого понятия не существует. Потому что нет и такого явления.

Современную подвижку во внутритрудовых отношениях я считаю революцией, правда, как было отмечено, весьма своеобразной, специфичной, и в противовес пониманию так называемой научно-технической революции. В чём заключается это понимание? Оказывается, научно-техническая революция понимается как революция в производительных силах.

Производительные силы развиваются эволюционным порядком, они свободны от перерывов постепенности, от революционных всплесков. Им свойственны всплески другого рода. В чём состоят эти всплески?

Производительные силы вследствие революционного изменения внутриобщественных и иных отношений, как говорится, выходят на простор, получают мощный импульс своего развития. Однако «развитие на просторе» и революция — разные вещи. Думаю, это не надо объяснять.

Скажу ещё несколько слов о «научно-технической революции».

Помню, как во времена приближающегося к своему кризису и закату нашего — извращённого — социализма непрменной идеологической установкой было славословие этой «революции в производительных силах». Упоминание о ней в печати или «научной» литературе считалось почти такой же обязательной нормой, как цитирование речей генсека и «выводов и положений» последнего съезда КПСС. Приходится констатировать, что и нынешние «обществоведы-марксисты» продолжают дудеть в ту же дуду.

Мимоходом замечу, что понимание промышленных революций как революций в производительных силах в свете сказанного выше, видимо, нуждается в переосмыслении.

Взглянув на современную научно-практическую революцию с философских высот, мы можем перейти к её, так сказать, приземлённому рассмотрению. Я выделяю три направления взаимопоглощения теоретического и практического. Думаю, все они одинаково важны. Их нумерация обусловлена единственно трудностями одновременного описания в общем-то граней одной сущности.

Первым направлением является соединение и взаимопроникновение науки и производственной практики. По этому направлению происходит реализация комплексного типа освоения природы.

В предшествующей главе я заметил, что процесс замены устаревшего типа труда более прогрессивным уже запущен. Причём этот процесс запущен как в рамках коммунистической, так и капиталистической системы.

В СССР и других социалистических странах встречному движению науки и производственной практики, когда их сближение стало ощущаться как экономическая потребность, даже были приданы определённые организационные формы. Так, у нас ведущей организационной формой явились так называемые научно-производственные объединения, а, например, в ГДР — комбинаты. К сожалению, «развитой социализм» (читайте: извращённый) не смог (да и не мог вообще) справиться с решением задачи поистине исторической важности. Прогрессивное начинание в своём подавляющем объёме так и осталось на бумаге.

Остаётся надеяться, что на будущей волне коммунистической революции объективная необходимость не будет придавлена бюрократией.

В рамках этого направления происходит сближение, соединение и взаимопроникновение как отдельных связанных с производством наук, так и более или менее самостоятельных видов производства. Особенно это заметно в так называемых высокотехнологичных отраслях и обслуживающих их научных дисциплинах. Впрочем, и далёкие от нужд производства науки подпадают под действие того же закона.

В седьмой главе я зачислил вас, уважаемый читатель, в круг участников современной грандиозной трудовой подвижки. Что я имел в виду?

Мы ведь с вами работаем (в этой книге) на так называемом междисциплинарном уровне или, как иногда говорят, на стыках наук. В своей работе мы стягиваем, по крайней мере, философию,

историю, экологию, экономическую теорию. И не стремимся разложить сделанное по «научным полочкам».

Нескромно скажу, что в других исследованиях мне приходилось стягивать воедино (в определённой группировке) философию (это — основа всех современных не очень частных наук), этнографию, биологию, психологию, психиатрию, лингвистику, физику, космологию, статистику... Перебирая свои более или менее крупные работы, не припомню такой, которая базировалась бы на какой-то одной-единственной дисциплине.

Мир в своих проявлениях универсален, можно даже сказать, намного более универсален, чем можно это представить. Чтобы успешно познавать какую-либо мировую «частность», необходимо перекидывать мостики, связывающие исследуемое с другими «частностями», необходимо видеть изучаемое в контексте мировых взаимосвязей, взаимозависимостей и универсалий. Подчинённый универсализму мира «междисциплинарный подход», показывая высокую эффективность сегодня, в будущем развернётся (в смысле: соберётся) в слитую с постпрактикой постнауку.

Второе направление представляет собой соединение и взаимопроникновение наук общественного спектра и общественной практики. Реализацией данного направления является управление общественными процессами и их согласование (сведение в комплекс).

Продвижение по этому направлению, как и по первому, к сожалению, оставляет желать лучшего. Опыт СССР и других стран коммунистического блока в деле осуществления научно-практической революции (в её организационно-общественном преломлении) никак нельзя назвать позитивным. Мы знаем, в каком состоянии находились (и находятся) у нас казённые общественные науки. В «Коммунистической революции» «теоретическим» выкрутасам титулованных «мудрецов» было уделено достаточно внимания¹.

¹ Вы скажете, уважаемый читатель: «Ведь существует и левая научная мысль. Неужели за годы, прошедшие после падения сталинистской «теоретической диктатуры», левая мысль не отметилась какими-либо достижениями?» К сожалению, таково моё мнение, не отметилась. Теоретики различных современных коммунистических и левых организаций, противопоставляющие себя сталинистам, пока выказывают неспособность адекватно описать историческую и актуальную действительность. Как ни печально, но это факт.

Впрочем, негативный опыт — тоже опыт. Заставит ли он занять-ся «работой над ошибками»?

Резюмируя сделанное в рамках первого направления научно-практической революции, я сказал: остаётся надеяться, что на будущей волне коммунистической революции объективная необходимость не будет придавлена бюрократией. Применительно ко второму направлению я, наверное, должен сказать то же самое.

Но надежду питает не только возможный учёт горького опыта. Оптимизм вселяют и неизбежные изменения структуры общества, в результате которых формируется социальный слой, способный в деле революционного творчества в какой-то степени, а, может быть, даже существенно, потеснить попутчиков революции (опять, уважаемый читатель, я должен отослать вас к «Коммунистической революции», где поднимается проблема попутчиков).

Видимо, в данной связи нельзя не упомянуть о достаточно распространённых в интеллигентских кругах взглядах, согласно которым западная общественная мысль по определению превосходит отечественную. Со всей ответственностью скажу, но скажу помягче, что такие взгляды исповедуют не очень знающие люди. В действительности западному обществоведению далеко даже до извращённого «коммунистического» (в котором пытливый исследователь под нагромождениями псевдонаучных измышлений обнаружит и адекватное действительности, как-то: неведомую на Западе диалектику, формационный подход к истории, теоретические основы первобытности и т.д.), тем более, далеко от действительно научного и правдивого отражения бытия.

Третье направление взаимодействия теоретического и практического характеризуется соединением и взаимопроникновением обучения и производительного труда.

Идея соединения обучения и труда имеет давнюю историю. Если я не ошибаюсь, впервые она была высказана ещё коммунистами-утопистами, чтобы затем, с середины XIX века, стать прописной истиной для коммунистов-революционеров. Ленин за два десятка лет до Октябрьской революции писал, «что нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения...»¹

¹ В. И. Ленин. Перлы народнического прожектёрства. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 485.

Имело ли место такое соединение в социалистической практике? Да, но только в какой-то степени. У нас оно известно в двух основных (организуемых государством) формах. Это — фабрично-заводское ученичество (ФЗУ) и, позже, ремесленные училища, преобразованные (а по сути лишь переименованные) затем в профессионально-технические (ПТУ). Замысел, конечно, прекрасный. Но в своей реализации далеко не доведённый до востребованной жизнью глубины.

В студенческие годы мне довелось изнутри оценить систему советских ПТУ. К каким выводам я пришёл, работая (параллельно с учёбой в университете) в одном из лучших училищ города, да и страны тоже. Ограничусь двумя моментами, имеющими отношение к нашей теме.

Во-первых, о серьёзной учёбе (в каждой группе было более 30 человек) и серьёзной связи с производительным трудом не могло быть и речи. Солидное предприятие, к которому было прикреплено моё училище, не в силах было обеспечить работой и наставниками более 1000 учащихся. Преподаватели и мастера других училищ, с которыми мне приходилось контактировать, рисовали примерно такую же картину. Система профессионального образования была подчинена не столько делу, сколько «генеральной линии партии», требовавшей максимально возможного пополнения «рабочего класса».

Во-вторых, бесплатный труд учащихся считался нормой. Приблизительно такие слова я услышал от побледневшего директора училища (при разговоре присутствовал инструктор райкома КПСС), когда задал ему, как мне тогда представлялось, безобидный вопрос об оплате труда будущих рабочих. Для вас, уважаемый читатель, я немного видоизменяю (не по содержанию, а по форме) выражение «бесплатный труд учащихся считался нормой». Думаю, вы согласитесь с такой редакцией: «ненорма социализма считалась нормой». О каком качестве обучения, о каких результатах труда можно говорить, если, как я выразился, прекрасный замысел реализуется вопреки природе социализма, строя переходного от капитализма к коммунизму, строя, одним из стимулов развития которого является материальная заинтересованность работника?

Третье направление не ограничивается соединением обучения и труда молодёжи. Не в меньшей мере этим направлением научно-практической революции должны быть охвачены и состоявшиеся работники.

Во времена СССР (да и сейчас) это, скажем так, поднаправление обслуживали различные институты повышения квалификации. Правда, слушателями таких институтов были лишь дипломированные специалисты. Мне не приходилось слышать (может быть, я плохо осведомлён) о каких-либо центрах, где систематически повышалась бы квалификация фрезеровщиков или сварщиков.

Не скажу об институтах повышения квалификации инженерного или, например, медицинского профиля. А вот в гуманитарном заведении мне «посчастливилось» побывать несколько раз, и как обществоведу, и как психологу. Туда было принято ссылать преподавателей вузов каждое пятилетие. В 70-е — 80-е годы там можно было филонить с отрывом от работы и даже со стипендией. Но в память мне врезалось не это, а самые заурядные преподаватели, которые почему-то считались лучшими.

Так что, уважаемый читатель, не могу вас порадовать какими-либо успехами в проведении научно-практической революции и по этому направлению. Было бы странно, если бы наш социализм оказался не тотально извращённым. Наверное, можно сказать, что все формы научно-практической революции были наполнены довольно-таки жиденьким содержанием. В деле соединения теоретического и практического некоторые капиталистические страны сумели существенно нас превзойти (ранее я заметил, что полем развития научно-практической революции является и негативная «половинка» коммунистической революции). А ведь, по идее, социализм должен пробивать дорогу в будущее.

Вообще, я не стремился раскритиковать научно-практическую революцию советского образца. Какова реальность, так и получилось. Моей целью было очерчивание на близком нам материале основных направлений научно-практической революции. Думаю, хотя материал и подкачал, они очерчены, и вроде бы можно итожить сделанное.

Но последнее направление, которое в отличие от двух других не является обезличенным, заставляет нас поставить вопрос о человеке-труженике коммунистического будущего.

В предшествующей главе мы охарактеризовали два аспекта коммунистического труда — общественный и личный. На общественном уровне труд будущего (и освоение природы) представляет собой постнаучную/постпрактическую комплексную деятельность, на личном — деятельность, любой вид которой — в силу универсализма труженика — доступен каждому члену общества.

Находятся ли такое общественное и такое личное в единстве? Ответить на этот вопрос мы попросим... первобытный коммунизм.

Исследователям, серьёзно занимающимся первобытностью, хорошо известно, что в древности человек отождествлял себя с родом (а первобытный род надо считать обществом) и другими членами рода. По сути дела социальной грани между целым и частью, коллективом и его членом, между людьми (если абстрагироваться от половых и возрастных различий) не существовало. В социальном плане первобытный человек был обществом, а общество — человеком.

В языках глубокой первобытности не было даже особых местоимений для обозначения социального целого и его части, индивида. Впрочем, в древности не было и индивида, как мы его понимаем.

Язык всегда непосредственно отображает реальность. Он буквально пристыкован к общественному бытию. Бытие меняется, и только с дифференциацией общества, с начатками расслоения появляются местоимения «я» и «мы».

Интересно, что рудименты древнего — слитного — бытия, и не только в языке, наличествуют в культурах многих современных в той или иной степени отставших в своём развитии народов, да и развитых тоже (такими рудиментами являются, например, единоборство воинов-богатырей, заменяющее сражение, кровная месть, институт спортивного боления...).

На что мы нацелим свой, адресованный первобытности, вопрос? Конечно, на главное, на причину первобытного отождествления человека и общества, человека и человека. Почему в первобытно-коммунистическом социуме общественное и личное совмещены, более того, слиты?

Ответ прост и ясен. Потому что первобытное общество является социально однородным, является обществом социального равенства (думаю, понятно, что таковым первобытное общество предстаёт перед нами, так сказать, в усреднённом виде, без учёта его исторической динамики).

Такова наша заготовка для выяснения соотношения общественного и личного в будущем, при коммунизме.

Является ли будущий коммунизм обществом социального равенства? Несомненно¹.

¹ См. главу шестнадцатую «Коммунистической революции».

Как говорится, что и требовалось доказать: коммунизму будущего, следовательно, с необходимостью присуще «отождествление» личного и общественного. Может быть, это претит нашему, современному сознанию, но объективный, закономерный ход истории таков, что будущая действительность с необходимостью заставит человека «видеть» в себе общество (слова «отождествление» и «видеть» я заключаю в кавычки, потому что человек коммунистического будущего, в отличие от своего первобытного предка, конечно, будет понимать различие между собой и своим целым, но по факту, функционально он будет слит с этим целым, с обществом людей, в главном ему подобных).

Да, такое трудно вообразить, но от законов развития, от исторического движения никуда не уйдёшь. Если бы вы, читатель, перенеслись, скажем, в петровскую эпоху (не так уж и далеко!) и описали тогдашнему просвещённому человеку закономерно сложившееся нынешнее бытие, он точно послал бы вас в... ваш XXI век.

Применительно к занимающему нас сейчас вопросу сказанное означает, что человек коммунистического будущего с необходимостью будет сочетать в себе общественное и личное, а в трудовом плане будет представлять собой универсального труженика, способом трудовой реализации которого явится постнаучная/постпрактическая деятельность.

Выясненным о соответствии общественного и личного при коммунизме и труженике коммунистического будущего мы поставим в книге точку. Эта «точка» является одновременно и дополнением к тем представлениям о коммунизме, которые были выработаны в «Коммунистической революции».

Поскольку наше исследование коммунистической революции в освоении природы завершено, наверное, неплохо было бы, хотя бы одной фразой, подытожить сделанное. Но сначала мы подведём итоги главы.

1. Определив в предшествующей главе в качестве инструмента освоения природы при коммунизме комплексный, постнаучный/постпрактический труд, в данной главе мы сосредоточили своё внимание на его (труда) становлении.

Становление такого труда, хронологически и сущностно вписывающееся в коммунистическое переустройство мира, было квалифицировано как революция. Эту революцию, с оговоркой, сделанной в начале главы, мы назвали научно-практической.

В ходе научно-практической революции в свою противоположность превращаются не отношения, в которых, как во внутриобщественной и социально-природной коммунистической революции, задействованы люди, а, так сказать, безличностные отношения, отношения между двумя сторонами трудовой деятельности. Это обстоятельство обуславливает специфику научно-практической революции – прежде всего, её невзрывной характер и возможность осуществления не только в рамках системы нарождающегося коммунизма, но и в условиях сходящего с исторической сцены капитализма.

Научно-практическая революция была противопоставлена так называемой научно-технической революции, понимаемой, что в принципе неверно, в качестве революции в производительных силах.

2. Научно-практическая революция представляет собой многогранное явление. Вкратце были описаны три её направления.

Это – соединение, взаимопроникновение и преобразование, во-первых, науки и производственной практики, во-вторых, общественных наук и общественной практики и, в-третьих, обучения и производительного труда.

Приходится констатировать, что социализм начального периода коммунистической революции, в силу присущих ему левацко-бюрократических извращений, не преуспел ни по одному из этих направлений.

3. Заключительным аккордом нашей работы стало определение трудовой сущности человека коммунистического будущего.

Первобытность помогла нам прийти к выводу: историческая необходимость сделает человека будущего тружеником-универсалом, реализующим свой трудовой потенциал в постнаучной/постпрактической деятельности.

Вот теперь мы можем подвести итог всей нашей работы. Что же мы наработали? Я действительно могу ответить на этот вопрос одной фразой.

Возьму на себя смелость полагать, что сделанное тянет на основы теории коммунистической революции в освоении природы.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
ГЛАВА I. Общество и остальная природа	9
ГЛАВА II. Исторические типы освоения природы.....	16
ГЛАВА III. Углубление современного экологического кризиса	26
ГЛАВА IV. Коммунистическая революция в освоении природы как процесс	36
ГЛАВА V. «Другие отходы»	45
ГЛАВА VI. Становление коммунистического типа освоения природы	54
ГЛАВА VII. Исторические типы труда.....	65
ГЛАВА VIII. Современная научно-практическая революция.....	76

В. И. Искрин известен как автор книг по теории истории, экономике, психологии, теории полов... В настоящей работе он предстаёт перед читателем в качестве социального эколога.

Экологическую проблематику автор начал разрабатывать ещё в 70-х — 80-х годах прошлого столетия. Первый вариант этой книги был написан в 1986 году. Но тогда издать работу «отступника» от так называемой генеральной линии партии по понятным причинам было невозможно.

Возможность издания появилась после распада СССР. Но рукопись тем не менее продолжала лежать в ящике стола. Почему? Потому что, чтобы быть понятной читателю, эта работа должна была увидеть свет лишь после издания также прописавшейся в ящике стола «Коммунистической революции», продолжением и приложением к которой она является.

Сейчас заново написанные «Коммунистическая революция» (2021 г.) и «Коммунистическая революция в освоении природы» (2022 г.) выходят одновременно. Приобрести можно сразу обе книги, но читать данную следует только после «Коммунистической революции».

ISBN 978-5-9076-8505-5

9 785907 685055 >